

Религиозная организация –
духовная образовательная организация высшего образования
«Владимирская Свято-Феофановская Духовная семинария
города Владимира Владимирской Епархии Русской Православной Церкви»

Кафедра церковно-исторических и церковно-практических дисциплин

РУССКАЯ ЦЕРКОВЬ В ЭМИГРАЦИИ.
СТАНОВЛЕНИЕ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКОВНОЙ ЖИЗНИ
ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ В ПЕРВЫЕ ПОСЛЕРЕВОЛЮЦИОННЫЕ
ДЕСЯТИЛЕТИЯ

Выпускная квалификационная работа
студента IV курса бакалавриата ВДС
Спиридонова Сергея Андреевича

Работа завершена:

« ____ » _____ 2023 г. _____ (Спиридонов С.А., диакон)

Работа допущена к защите:

Научный руководитель

« ____ » _____ 2023 г. _____ (д.и.н. Перевезенцев С.В.)

Заведующий кафедрой

« ____ » _____ 2023 г. _____ (к.и.н. Макарова Д.Ю.)

Проректор по научно-богословской работе

« ____ » _____ 2023 г. _____ (к.ю.н. Абрамов А.Е.)

Владимир 2023

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА I. РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ В ЭМИГРАЦИИ, КАК СОЦИАЛЬНО-РЕЛИГИОЗНЫЙ ФЕНОМЕН.	
1.1. Формирование организационной структуры Русской Православной Церкви в Западной Европе.....	13
1.2. Приходская жизнь в эмиграции. Возникновение и особенности функционирования приходских общин и монастырей.....	24
ГЛАВА II. ВЛИЯНИЕ ЦЕРКВИ НА ДУХОВНЫЙ АСПЕКТ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ ЗА РУБЕЖОМ В ПОСЛЕРЕВОЛЮЦИОННЫЕ ГОДЫ.	
2.1. Благотворительная и культурно-просветительская деятельность Церкви, взаимодействие с эмигрантскими обществами в Западной Европе.....	38
2.2. Решение вопросов богословского образования.....	47
2.3. Влияние на философскую мысль.....	53
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	61
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ.....	65

ВВЕДЕНИЕ

Тема изучения русской эмигрантской культуры имеет множество сторон и аспектов. Современные исследователи интересуются социальной жизнью людей в эмиграции, их экономическим положением, культурной жизнью, однако вопрос жизни духовной (в особенности, в её практическом смысле) почти не рассматривается. А ведь Русская Православная Церковь (да и просто выходцы из церковной среды) играли заметную роль в жизни эмигрантов и эмиграции в целом.

Стоит отметить, что к началу 1920-х г. сложилось несколько направлений эмиграции, а значит и организация церковной жизни должна была логически следовать именно по этим направлениям. Представители духовенства попадали за границу разными путями, которые дублировали основные потоки эмиграции, на чужбине оказались как рядовые священники, так и несколько иерархов Православной Церкви. Именно они впоследствии (довольно скоро) сформировали основу заграничного церковного управления (или ВВЦУ). Органы эти были временными, но впоследствии, после значительных трансформаций приобрели постоянную основу. Нас в данной работе, прежде всего, будет интересовать управление западное (ВЦУЗ), обосновавшееся сначала в Константинополе, а затем в Европе, в Сремских-Карловцах¹. Эта избирательность позволит нам изучить выбранную тему более детально, а так же оценить степень влияния Церкви на расцвет эмигрантской духовной культуры.

Актуальность темы настоящего исследования обуславливается тем, что в современной России церковные структуры помимо своей духовной миссии, оказываются активными участниками светской жизни, присутствуют в информационном поле, взаимодействуют и с политическим компонентом и с социальным и с экономическим. Поэтому, всестороннее изучение

¹Баконина С.Н. Церковная жизнь русской эмиграции на Дальнем Востоке в 1920-1931 гг. На материалах Харбинской епархии.: М., Издательство ПСТГУ, 2014. С. 15.

взаимовлияния общества и Церкви, политической ситуации и Церкви может стать огромным подспорьем в анализе современных процессов. Стоит отметить, что первые послереволюционные десятилетия явились для Церкви временем внутренних сложностей и распрей, временем выхода за пределы изначального ареала влияния и бытования.

Ещё одним важным аспектом актуальности является подписание в мае 2007 г. Акта о возобновлении после множества лет канонического общения Русской Православной Церкви Заграницей с Русской Православной Церковью Московского Патриархата. После этого неизбежно повысился интерес к теме церковной жизни за рубежом, исследователи получили возможность и мотивацию изучить, каким образом этой структуре удалось сохраниться и сохранить ценности православной веры в почти нетронутым виде, а ещё и стать опорой русской культуры за рубежом.

Актуальность обуславливается так же слабой изученностью особенностей духовной жизни русского зарубежья именно с церковно-исторической точки зрения (в контексте христианских, Православных идей и понятий). Становится очевидной необходимость нового научного подхода, заключающегося в анализе философских, а возможно и литературных произведений с учетом специального культурного контекста, внутри которого и благодаря которому они сформировались. И в данном случае – это Православная среда, обрядность, ведь Церкви удалось достаточно быстро переложить традиционный уклад на европейскую действительность и стать настоящей опорой всей русской эмиграции, способствуя возникновению множества великих произведений и идей.

Целью данного исследования является детальный анализ церковной составляющей русской эмиграции, в частности европейского её направления, впервые послереволюционные десятилетия.

В ходе работы мы ставили перед собой несколько важных задач:

- Подробно взглянуть на схему формирования и функционирования организационной структуры Русской Православной Церкви в Западной Европе.
- Изучить практические шаги Церкви по становлению религиозной жизни в новых условиях.
- В рамках этого обозначить тему социально-бытового и материального положение западно-европейского православного прихода, организации приходской и монашеской жизни.
- Рассмотреть взаимоотношения Церкви с эмигрантским сообществом, социальное служение, а так же образовательные инициативы.
- Исследовать степень влияния Церкви на расцвет русской духовной культуры за рубежом в указанный период.

Объектом исследования является Русская Православная Церковь на территории Западной Европы впервые послереволюционные десятилетия. Предметом же выступают самые разные особенности функционирования церковной системы за рубежом в указанный период, бытовые, экономические и культурные, а так же степень влияние Церкви на философскую мысль, литературу и искусство.

В данной работе был использован целый комплекс различных общенаучных и частных методов исследования, таких как:

- культурно-исторический метод;
- метод научной индукции;
- хронологическо-проблемный метод;
- сравнительно-исторический метод;
- нарративный (описательно-повествовательный) метод;

Структура работы включает в себя введение, две главы, делящиеся на параграфы, заключение, а также список использованной литературы и источников.

Хронологические рамки исследования включают два первых послереволюционных десятилетия, время, когда шло формирование

структуры Православной Церкви за границей и складывались основные направления её деятельности. Географические рамки работы ограничиваются территорией Западной Европы, а по большей своей части территорией Франции, т.к. именно об этом регионе мы находим больше всего упоминаний в источниках. Так же отметим, что именно Париж считается столицей Русской Эмиграции, а значит и для данного исследования является приоритетным.

Начиная историографический обзор по выбранной теме, необходимо сразу отметить, что вплоть до 1990-х гг. большинство архивных материалов были вне доступа для исследователей, государственная политика так же не способствовала изучению истории РПЦ, а если и писались какие-то работы, то они носили очень идеологизированный характер. Можем сделать вывод, что научной ценности они несли не много. Существовали, конечно, исследования внутри Церкви, где-то дилетантские, изыскания энтузиастов, но уже сложившееся разделение Московского Патриархата и РПЦЗ мешало сбору данных, т.к. общение было практически прервано. Таким образом, наибольшее развитие рассматриваемая тема получила именно за рубежом, с этого мы и начнем более подробный рассказ об историографии.

Первый этап нами решено было обозначить временным интервалом 1920-1970-е гг. Интересно, что большинство ученых и исследователей этого периода так или иначе были участниками рассматриваемых событий. Упомянем работы Т.А. Аметистова¹ (его труды проникнуты симпатией к руководству митрополита Евлогия (Георгиевского), И.А. Стратонова (симпатизировал московской церковной власти. Уже в этих работах проявляется тенденция к использованию официальных документов в качестве основного источника, однако цитируются эти источники весьма избирательно.

¹ Каноническое положение Православной Русской Церкви Заграницей. Париж: Издание Епархиального управления Западно-Европейского митрополичьего округа. 1927.

Упомянем так же труд «Неделя в патриархии» под авторством митрополита Елевферия (Богоявленского)¹, который успел побывать «по обе стороны баррикад», сначала в ведении архиерейского синода, а затем перейдя под власть московских церковных структур. Ещё одним автором, по ходу действия менявшим позицию (что отражалось и в исследованиях и в интерпретации источников), становится С.В. Троицкий².

Епископ Никон (Рклицкий) выпустил масштабную монографию «Жизнеописание Блаженнейшего Антония, митрополита Киевского и Галицкого»³, здесь можно найти огромное количество новых, доселе неиспользованных документов, статей, выдержек из переписки. Многие современные историки Церкви до сих пор используют 10 томов Жизнеописания в своей работе, как источник цитирования.

Нельзя оставить без внимания труды Георгия Граббе, который в Архиерейском Синоде занимал должность секретаря и имел доступ к синодальным документам⁴, а, значит, знал историю зарубежной Церкви изнутри. В это же время появляются книги, которые мы бы сейчас назвали научно-популярными, они целью своей имели знакомство простого обывателя с основами церковной истории того периода. «Краткая история РПЦЗ» явилась одним из таких трудов, эта работа авторства архиепископа Иоанна (Максимовича). Так же вышла книга «Правда о Зарубежной Церкви»

¹Елевферий (Богоявленский), митр. Неделя в Патриархии // Из истории Христианской Церкви на родине и за рубежом в XX столетии // Материалы по истории Церкви. Кн. 5. М.: Крутицкое патриаршее подворье. 1995.

² История самочинной карловацкой организации // Церковно-исторический вестник. Москва. 2001. № 8. С. 41.

³ Никон (Рклицкий), архиеп. Жизнеописание Блаженнейшего Антония, митрополита Киевского и Галицкого. Т. 7. Нью-Йорк: Издание Северо-Американской и Канадской епархии, 1960.

⁴Граббе Ю. Корни церковной смуты. Белград. 1927; Граббе Ю. Единство и единственность Церкви. Варшава. 1929; Граббе Ю. Единение или раздробление. Белград. Б.м. 1932; Граббе Г., прот. Лжеправославие на подъеме. Нью-Йорк, Джорданвилль: Свято-Троицкий монастырь. 1954; Граббе Г., протопр. Правда о Русской Церкви на родине и за рубежом (по поводу книги С.В. Троицкого «О неправде Карловацкого раскола»), Нью-Йорк, Джорданвилль: Свято-Троицкий монастырь, 1961

М. Родзянко. Особенно интересен иллюстрированный двухтомник «Русская Православная Церковь за границей» А. Соллогуба.

Если обобщать сказанное о первом этапе формирования историографии, то основным станет личное участие авторов книг в происходящих событиях (это не могло не влиять на содержание и интерпретацию). И хотя у авторов имелась возможность использовать эксклюзивные материалы, документы, включенное наблюдение, они не могли быть достаточно объективны и исключить себя из контекста, что часто приводило к неверным выводам и интерпретациям.

Второй период зарубежной историографии мы обозначим с начала 1980-х гг., к этому времени появляются исследователи, лично не участвовавшие в изучаемых процессах и событиях, а значит имеющие более объективный взгляд на них. Хотелось отметить, что именно с этих пор ученые идут в архивы и библиотеки за материалами периодической печати, дневники, печатные издания, коллекции писем становятся основным источником трудов. Создаются и своеобразные справочные материалы, так А. Нивьер с работой «Православные священнослужители, богословы и церковные деятели русской эмиграции в Западной и Центральной Европе. 1920 – 1995» до сих пор популярен среди исследователей¹.

Мы видим меньше эмоциональности и больше логики, так, процесс становления Русской Православной Церкви за рубежом весьма последовательно рассмотрен в монографии Д.В. Поспеловского². Н.М. Зернов в своих работах изучил предпосылки раскола внутри Церкви, а так же социальную, молодежную и просветительскую работу. Были исследователи и непосредственно из церковной среды. В 1968 г. увидела свет книга-альбом с иллюстрациями в двух томах под названием «Русская православная Церковь

¹Нивьер А. Православные священнослужители, богословы и церковные деятели русской эмиграции в Западной и Центральной Европе. 1920- 1995. Москва – Париж: Русский путь, YMCA-PRESS. 2007.

²Поспеловский Д.В. Русская православная Церковь в XX в. М.: Республика, 1995;

за границей. 1918-1968»¹, где находим кладезь различной информации (фотоархивы священнических семей, особенности быта и жизни православных общин самых разных странах по всему миру за долгий период времени.

Внимание иностранных ученых тоже периодически обращалось к проблемам русской эмиграции и её духовной составляющей. Так, известный исследователь Мишель Д'Эрбиньи и священник А. Дейбнер² изучили огромный пласт периодической печати и смогли создать стройное повествование про размежевание между русской Церковью и зарубежной, но недостаточная погруженность в русскую культуру не позволили им выйти за рамки сухого рассуждения.

Перейдем к описанию непосредственно российской историографии, здесь, как и во многих других областях, первые исследования появились лишь в 90-е гг. И это уже речь идет о современной историографии. Открылись архивы, упал железный занавес, цензура была отменена, у соотечественников появилась возможность использовать разные документальные свидетельства и на их основании вырабатывать качественно новые гипотезы. Уже к середине 90-х в рассматриваемой нами теме появилось несколько диссертационных исследований³. Упомянем работу священника Георгия Митрофанова⁴, а так же протоиерея Владислава

¹ Русская православная Церковь за границей 1918-1968. Нью-Йорк, 1968.

² D'Herbigny M., Deubner A. *Évêques russes en exil. Douze ans d'épreuves (1918 – 1930)*. Roma. 1931.

³ См.: Беляева А. Русская Православная Церковь за границей (1919 – 1926 гг.). Дис. на соиск. уч. степ. канд. ист. наук. Ярославль, 1998. Пантелеева Е. Русская Православная Церковь в Западной Европе в 20-30-е гг. XX века: Религиоведческий анализ. Дис. на соиск. уч. степ. канд. филос. наук. СПб, 2006; Катаев А. Московская Патриархия и церковные разделения за рубежом и в СССР в 1922 – 1946 гг. Дис. на соиск. уч. степ. канд. ист. наук. М.: 2006; Маковецкий А. Русская Православная Церковь за границей: этапы возникновения и организационного оформления (1920 – 1940 гг.). Дис. на соиск. уч. степ. канд. ист. наук. СПб, 2007.

⁴ Митрофанов Г. свящ. Православная Церковь в России и в эмиграции в 1920-е годы. СПб: Ноах, 1995.

Цыпина¹. В работе М.В.Назарова «Миссия русской эмиграции»² и в книге М.Раева «Россия за рубежом»³ мы так же можем отыскать огромное множество сведений на рассматриваемую тему.

Так рождались исследования русской эмиграции и делались первые попытки заявить, что опираясь на православную веру, русским людям за границей удавалось выстроить опоры, обрести утешение и ресурс справляться с трудностями. Если нас интересует именно сторона искусства и литературы, то несомненный интерес представляет монография А. Зверева «Повседневная жизнь русского литературного Парижа. 1920-1940»⁴. Изучались и локальные аспекты церковной жизни в эмиграции, в отдельно взятой стране, регионе, а частности касаясь Европы мы находим труд «История русской церковной эмиграции»⁵ под авторством М.В.Шкаровского. Интересна и работа А. Никитина, где изучена приходская жизнь внутри РПЦЗ в Германии. Региональная история РПЦЗ отражена и в книгах Н.Росса, который проводит краеведческое исследование про Александро-Невский приход во Франции⁶, а Н.Е.Ковалевский подробно изучил работу такой организации, как «Православное Дело» под руководством известной монахини в миру, матери Марии (Скобцовой), у С. Гаккеля так же выходит биографическая работа «Мать Мария»⁷.

Источниковая база по проблеме представлена достаточно широко. Их можно разделить на официальные, программные документы (указы, постановления, положения, договоры и проч.). Особенную важность для данной работы представляют документы, в которых прослеживается связь

¹ Цыпин В., прот. История Русской Церкви. 1917 – 1997. / История Русской Церкви. Кн. 9. М. Издательство Спасо-Преображенского Валаамского монастыря. 1997

² Назаров М.В. Миссия русской эмиграции. Ставрополь, 1992.

³ Раев М. Россия за рубежом. История культуры русской эмиграции. М., Академия, 1994.

⁴ Зверев А. Повседневная жизнь русского литературного Парижа. 1920-1940. М.: Молодая гвардия, 2003

⁵ Шкаровский М. История русской церковной эмиграции. СПб.: Алетейя. 2009

⁶ Росс Н. Советская власть и русская Церковь в Париже (1923-1930) // Рус.мысль. 1997. № 4180- 4181.

⁷ Ковалевский П.Е. Зарубежная Россия: История и культурно-просветительская работа русского зарубежья за полвека (1920 – 1970). Париж, 1971.

или конфликт Московской Патриархии, митрополита Евлогия и Карловацкого Синода, это и законодательные акты и стенограммы заседаний и просто переписка иерархов между собой. Вторая группа источников – это периодическая печать, в общем доступе сейчас можно найти газеты и журналы русского зарубежья, выходившие с разной периодичностью. Самый важный из них – это, пожалуй, «Церковный вестник западноевропейской епархии»¹ и «Церковные ведомости, издаваемые при Архиерейском синоде Русской Православной Церкви Заграницей»². Можно назвать несколько изданий (журналов), в которых содержится ценная для данного исследования информация: «Путь», «Православная мысль», «Новый град». Особую важность представляет «Церковный вестник Западноевропейской епархии», а так же различные протоколы заседаний (это могли быть протоколы заседания братств, культурных и политических объединений, кружков, философских обществ, а так же издания, выпускавшиеся при Свято-Сергиевском институте в Париже.

Так же нами использован большой объем источников личного происхождения (это мемуарная литература, записки церковных иерархов, представителей духовенства и церковной среды о своей жизни, эпистолярное наследие деятелей культуры). Когда речь идет о богословии и философии, а так же о культуре, то мы прибегаем непосредственно к работам этих авторов, как к историческому источнику.

¹ Церковный вестник Западноевропейской епархии цитируется по: https://vtoraya-literatura.com/razdel_2108_str_1.html

²Церковные ведомости, издаваемые при Архиерейском синоде Русской Православной Церкви Заграницей цитируются по:<https://pravoslavnoe-duhovenstvo.ru/library/material/8267/>

ГЛАВА I. РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ В ЭМИГРАЦИИ, КАК СОЦИАЛЬНО-РЕЛИГИОЗНЫЙ ФЕНОМЕН.

1.1. Формирование организационной структуры РПЦ в Западной Европе.

Эмиграция явилась результатом не только непосредственно Октябрьской революции, но и Гражданской войны, в которой победа осталась за советским режимом. В 1917-1919 гг. из России уезжало в основном гражданское население, интеллигенция, но чем дальше шло противостояние белых и красных, тем больше к эмигрантам присоединялось военных чинов самого различного возраста и социального положения. Как пишет современная исследовательница З.С. Бочарова: «Эмигрантские волны расходились по всем направлениям и в первую очередь захлестнули приграничные с Советской Россией страны. В процессе возникновения российской эмиграции выделяется три основных направления, по которым россияне покидали родину: 1. северо-западное, 2. южное и 3. Дальневосточное»¹. Она же приводит сведения о том, что духовенство эмигрировало наряду со светским населением. В её работе мы можем найти сведения о процентном соотношении уехавшего в первые послереволюционные годы духовенства. От общего числа это 0,5 % священников и приблизительно 10 % епископов². Тем не менее, именно эта группа клириков стала основой для духовной жизни в эмиграции, ведь большинство уехавших продолжали считать себя верующими людьми, а так же стремились сохранить свою национальную и религиозную идентичность³.

¹Бочарова З.С. Российское зарубежье 1920-1930-х гг. как феномен отечественной истории. Учебное пособие. – М : АИРО-XXI, 2011. С. 237.

²Там же. С. 238.

³ Согласно переписям, проведенным в 20-х гг. назвали себя русскими в Польше – 5 млн.250 тыс., в Румынии – 742 тыс, Финляндии – 15 тыс., в Чехословакии – 550 тыс., Латвии – 231 тыс., Эстонии – 91 тыс., Литве – 55 тыс., Манчжурии – около 200 тыс. Кроме того надо учитывать количество дореволюционных эмигрантов, проживавших в Канаде – 119 тыс, США – 500 тыс. Западной Европе – 50 тыс

В работе историка М.В. Назарова находим сведения о том, что «по общему количеству беженцев на начало 1920-х гг. – 10 миллионов человек»¹.

По словам исследователя М. Раева: «Главными очагами русской эмиграции в Западной Европе, о которой и пойдет речь в данной главе, стали Франция, Германия, Чехословакия, Болгария и Югославия, упомянем так же государства, которые образовались в результате крушения Российской империи: Польшу, Финляндию, Латвию, Литву, Эстонию»². Интересно, что социальный и профессиональный состав людей, приехавших из России был весьма разношерстный, тут были и военные и интеллигенция и крестьяне и рабочие. Получается, что духовенство должно было выстроить работающую систему церковного управления с четкой структурой и иерархией. И не только выстроить, но и позаботиться о ее благополучном функционировании.

Отметим, что на протяжении всего имперского периода, а значит с XVIII в. (а может быть и раньше) Россия активно налаживала связи с западной европой и с миром в целом, росли культурные и экономические взаимодействия, а значит появлялась какая-то инфраструктура на местах. Русские миссии за границей, какой бы характер они не носили, обязательно должны были сохранять свою религиозную и культурную идентичность, поэтому возникали небольшие общины и приходы. Образовывались они при помощи посольств и консульств, а чаще всего именно на их территории. Могла быть устроена молебная комната или выстроен небольшой храм или часовня. Г. Зейде в своей книге «РПЦ за границей» отмечает: «Следует отметить, что наибольшее развитие церковное строительство получило в XIX в.: именно тогда с развитием династических и культурных связей в европейских столицах и курортах стали возникать новые православные Церкви и храмы»³. Именно на основе уже существующих приходов и

¹Назаров М.В. Миссия русской эмиграции, Ставрополь, Кавказский край, 1992. С.21.

²Раев М. Россия за рубежом. История культуры русской эмиграции. М., Академия, 1994. С.13-16.

³Зейде Г. Русская Православная Церковь за границей //Юбилейный сборник в память 1000-летия крещения Руси. 988- 1988 гг. Джорданвилль, 1988. С.383.

церковных структур вырастет впоследствии Русская православная Церковь за границей. По словам Э. А. Шулеповой: «Дело осложнялось тем, что многие (даже существующие на протяжении многих лет) общины оказались в изоляции от официальной Церкви, потеряли связь с Московским патриархатом и просто не знали, как им быть в меняющихся условиях. Таким образом, необходимо было организовать церковное управление, как на этих территориях России, так и в целом, за границей»¹.

А. И. Введенский в своей работе «Церковь и государство» упоминает, что: «организация эта шла довольно медленно, 18-24 мая 1919 г., с санкции генерала А.И.Деникина, в Ставрополе был созван южнорусский церковный Собор, который образовал Временное высшее церковное управление Юга России (ВВЦУ)»². В его работе принимали участие представители местных церковных, правительственных и общественных организаций, а так же те представители церковного управления, которые по разным обстоятельствам оказались на пути выезда из страны. М. И. Одинцов приводит такую последовательность действий по созданию нового церковного управления: «В связи с изменением положения на фронтах, церковный центр вынужден был перенести место своего пребывания из Ставрополя сначала в Новочеркасск, а в 1920г. – в Симферополь. 15 октября 1920 г. в Симферополе ВВЦУ утвердило архиепископа Волынского Евлогия (Георгиевского) управляющим русскими православными церквями в Западной Европе на правах епархиального архиерея. В декабре 1920 г., по просьбе митрополита Киевского и Галицкого Антония (Храповицкого), Константинопольский патриарх разрешил русским епископам -эмигрантам основать в Константинополе Временное высшее русское церковное управление за границей (ВЦУЗ) при условии признания верховной власти Константинопольского патриарха, который сохранял за собой все судебные

¹Шулепова Э.А. Роль и место православной Церкви в процессе адаптации русской эмиграции //Российское зарубежье: История и современность. М.,1998. С.21.

²Введенский А.И. Церковь и государство (Очерки взаимоотношений Церкви и государства в России 1918-1922 гг.). М., 1923. С. 17.

прерогативы. Созданное управление возглавил митрополит Антоний. В апреле 1921 г. он официально подтвердил решение о назначении Евлогия управляющим русскими православными церквями в Западной Европе. Митрополит Петербургский Вениамин также признал законность этого назначения. Евлогий стал викарием митрополита Петербургского, в функции которого, со времен установления кафедры, входило управление зарубежными приходами»¹. Сразу отметим, что на наш взгляд все вышеописанные действия не только не решили проблему центра управления зарубежной Церковью, но и создали предпосылки для сложностей и междоусобных войн в западноевропейском церковном сообществе.

Тем не менее, 8 апреля 1921 г. выходит постановление № 362², в котором патриарх Тихон и Синод обязует все западноевропейские приходы встать под управление архиепископа Евлогия до того момента, пока не уляжется ситуация на родине. Таким образом, все предыдущие решения ВВЦУ получили официальное подтверждение. «В 1921 г. по приглашению патриарха Сербского Варнавы, ВЦУЗ переехало в Сербию и разместилось в местечке Сремски-Карловцы. В июле 1921 г. Антоний, составил документ, в котором подчеркивалась подчиненность созданного управления патриарху Московскому»³.

Дальнейшие события приводят к размежеванию в среде церковного руководства эмигрантской Церковью. Уже спустя несколько месяцев, 21 ноября 1921 г. Первый русский всезаграничный церковный Собор начал свою работу в местечке Сремски-Карловцы, именно там было принято «Положение о Высшем русском церковном управлении за границей»⁴.

¹Одинцов М.И. Русская православная Церковь в XX веке: история взаимоотношения с государством и обществом. М., 2002. С.22.

² Постановление № 362// Церковные ведомости. 1926. №17-18.

³ Одинцов М.И. Русская православная Церковь в XX веке: история взаимоотношения с государством и обществом. М., 2002. С.23.

⁴История Русской Православной Церкви. От Восстановления Патриаршества до наших дней. СПб.: Воскресение, 1997. С.588

Противники такого решения, по словам Д.В. Пospelовского: «Опасались того, что ВЦУЗ, открыто встав на позицию восстановления монархии в России, поставит под удар Русскую православную Церковь. ВЦУЗ под управлением митрополита Антония, считало своей основной задачей активные политические действия по восстановлению монархии в России, тем самым оно открыто выразило свою негативную позицию в отношении Советской власти»¹. С.Н.Булгаков, наблюдая за деятельностью участников Карловацкого Синода, писал: «не думал, что это так тяжело, так страшно, так безнадежно. Там и не интересовались делами церковными, все поглощено политиканством, ищут нового барина, устроиться по старому»². Митрополит Евлогий, в отличие от них, провозглашал «основной задачей церковной эмиграции является организационное оформление русского православия за границей»³.

Ответ «официальной» Церкви вышел 5 мая 1922 года, в этот день выходит указ № 3480 том, что «Послания Всеаглического собора» это документы, совершенно не отражающие того, что на самом деле транслирует официальная РПЦ, а местами и активно противоречащие её доктрине. В этом документе деятельность всеаглического собора отменялась, а русские общины, уже существующие на Западе вставали под управление Евлогия (Георгиевского) (30 января 1922 г. указом патриарха Тихона возводится в сан митрополита)⁴.

Пospelовский дает нам такую информацию: «В сентябре 1922 г. Собор епископов, собравшихся в Сремски-Карловцах, формально исполнил волю патриарха, распустив ВЦУЗ. На его месте под председательством митрополита Антония был создан Синод епископов Русской Церкви за

¹Пospelовский Д.В. Русская православная Церковь в XX веке. М.: Республика, 1995. С. 121.

² Цит. По: Зверев А. Повседневная жизнь русского литературного Парижа. 1920-1940. М.: Мол. гвардия, 2003. С. 147.

³Евлогий (Георгиевский) митрополит. Путь моей жизни. Париж, YMCA-Press, 1947. С.405.

⁴Троицкий С.В. О неправде Карловацкого раскола. Париж, 1960. С. 101-102.

границей, который стал действовать как независимое верховное церковное управление»¹.

И. Стратонов отмечает: «Для Карловацкого Синода изначально было характерно стремление к централизации русских православных епархий за границей и установлению той власти, которую имел дореволюционный Синод над зарубежными епископами.«Карловчане» стремились играть роль всероссийской церковной власти в эмиграции, хотя, как правило, во всех практических вопросах их влияние и власть ограничивалась Югославией, Балканами и приходами, непосредственно связанными с монархическими организациями»².

В 1925 г. Митрополит Сергей (Страгородский) отправил секретное послание зарубежным архиереям (от 13 сентября 1926 г.), в котором сообщал, что «Московская патриархия, в связи с отсутствием нормальной связи, не может руководить церковной жизнью за рубежом, тем более что распоряжения патриархии могут оспариваться как подложные или как основанные на недостаточной информации»³.

Предложение заключалось в создании единого общего органа управления эмигрантской Церковью, но предусматривая, что это может оказаться затруднительным, он предлагал в случае невозможности такого – подчиняться законам церковной власти на местах, т.е. по сути в этом случае церковная структура дробилась на мелкие мелкие кусочки. А в самых отдаленных или не православных странах можно было создавать и совсем автономные общины без юрисдикционного подчинения. По словам самого Сергея, это сможет лучше защитить от «...распрей, чем старание удержать власть и подчинить всех искусственно созданному центру»⁴.

¹Стратонов И. Русская церковная смута. 1921-1931. Берлин,1932. С.16-20.

²Назаров М.В. Миссия русской эмиграции, Ставрополь, Кавказский край, 1992. С. 143.

³ Цит. По: Троицкий С.В. О неправде Карловацкого раскола. Париж, 1960. С. 101-102.

⁴Цит по: Пospelовский Д.В. Русская православная Церковь в XX веке. М.: Республика, 1995. С. 130.

По словам всё того же И. Стратонова: «Участники Карловацкого синода истолковали его слова как утверждение себя законной высшей церковной властью вне России»¹, что было совсем далеко от правды. Противостояние не утихло и с ещё большей силой разгорелось в 1926 году на соборе Карловацких епископов. Итогом стало принятие резолюции о лишении митрополита Евлогия самостоятельности в управлении. Евлогий, присутствовавший на заседании, объявил о прекращении всяческого общения с Карловацким управлением и по-сути явился управителем автономной Западноевропейской епархиальной единицы.

29 июля 1927 г. произошло усложнение отношений всей эмигрантской Церкви с Москвой, т.к. вышел документ с непреложным требованием всему зарубежному духовенству подписать присягу о лояльности к советскому правительству. Декларация вызвала бурю негодования у православных за границей, воспринявших всё вышестоящее, как склонение к сотрудничеству с Советской властью².

Сразу после получения новостей о декларации митрополит Евлогий собрал свое ближайшее окружение, чтобы обсудить ситуацию, там присутствовали С.П.Булгаков, А.В.Карташев, И.П.Демидов, М.П.Пирс. Из работы А. Терещука мы узнаем; «Мнения участников совещания разделились: Пирс достаточно резко высказался против соглашения с митрополитом Сергием, а Булгаков, Карташев, Демидов настаивали на соглашении с ним, такое же разделение взглядов было характерно и для всей эмигрантской православной интеллигенции»³.

Перед церковным руководством в эмиграции встал вполне резонный выбор: соглашаться с официальной позицией Советской власти, поддерживать её, пусть издалека и тем самым стать непопулярными в

¹ Стратонов И. Русская церковная смута. 1921-1931. Берлин, 1932. С.29.

² Декларация митрополита Сергия, от 29 июля 1927г. //Русская православная Церковь и коммунистическая государство. 1917-1941. М., 1996. С. 224-228.

³ Терещук А.В. Русская церковная эмиграция в 1917 – 1927 гг. /Из истории российской эмиграции. СПб., 1992. С.41.

эмигрантской среде или же восставать против официальной доктрины, провозглашаемой Сергием, но возможно поставить под удар Церковь на родине. На зарубежной церкви лежала ответственность в том числе и за происходящее внутри России, за отношение власти и церкви, от их решения зависело многое. 23 августа 1927 г. документ был подписан, Западноевропейская епархия согласилась на условия, содержащиеся в нем.

По словам М.В. Назарова это стало возможным только: «при условии, что под термином «лояльность» следует понимать аполитичность эмигрантской Церкви»¹. Он же сообщает: «Карловацкий же Синод 7 сентября 1927 г. заявил о неприятии Декларации и назначил во Францию епархиального архиерея архиепископа Серафима (Лукьянова). После этого «карловчане» начали борьбу за приходы, находившиеся в юрисдикции Евлогия, что было явным нарушением церковных канонов»².

То, как взаимодействуют или конфликтуют представители Карловацкого Синода и сторонники Евлогия очень широко освещалось в прессе. Особенно после разрыва отношений стало появляться много публикаций в самых разных изданиях, начиная от мастных широкоизвестных журналов и заканчивая приходскими листовками и газетами с маленьким тиражом. В некоторых таких публикациях даже пытались сравнивать леворадикальную политическую агитацию с агитацией того или иного крыла церковной власти: «На этот раз нам прислали 4 листка: «Красный пастырь», «Краткая история евлогианства», «Что нужно помнить», «От председателя архиерейского синода». Невольно вспомнились листки 1905 года: «Кровавый царь», «Что нужно помнить солдатам и рабочим», «Стрельба на Лене», «Манифест РСДРП». В тексте нынешних прокламаций та же злоба, та же клевета, даже те же призывы к классовой борьбе»³.

¹ Назаров М.В. Миссия русской эмиграции, Ставрополь, Кавказский край, 1992. С. 143.

² Там же с. 144.

³ Троицкий С, прот. Как православные люди должны относиться к подпольной пропаганде //Церковный вестник Западноевропейской епархии. 1929. № 2 . С. 18-20.

Получается, что к концу 1920-х противоречия, возникшие в церковном руководстве за границей не только не были решены, но даже обострились. Получается, что к концу 20-х гг. сложившийся раскол церковной эмиграции не только не был нивелирован и решен, но стал еще более серьезным и глубоким. С 1927 г. отношения Западноевропейской епархии стали портиться ещё и с Москвой. Все чаще со страниц печати и из уст самого митрополита звучали слова о беспокойстве за судьбу православной паствы внутри советской страны, он резко высказывался о преследовании и гонении на Церковь в родной стране, что очень смахивало на «антисоветчину», именно в этом его и обвиняли на Родине. В 1929 г. митрополиту Евлогию поступило предложение от епископа Кентерберийского провести молебствование «за страждущих христиан в России», в котором должны были принять участие представители нескольких конфессий (в т.ч. католики и англикане). Это было прямое выступление против репрессии и, конечно, вызвало бурную реакцию из СССР.

Церковное управление немедленно в директивной форме потребовало: «Дать обязательство такого рода выступления больше не повторять»¹. Ответом стало следующее: «Моление в Англии имело не политический, а религиозный характер, что это был протест религии и... человеческой совести против гонений на Церковь в Советской России»². Вскоре Митрополит Сергей (Старгородский) прислал указ о том, что митрополит Евлогий (Георгиевский) «увольнялся от управления русскими церквями в Западной Европе»³.

Теперь уже бывший управляющий Западной церковью решил искать защиты в Константинопольском патриархате, обратившись к Фотию II с просьбой принять епархию под эгиду и юрисдикцию последнего. Патриарх

¹ Цит. по: Кашеваров А.Н. Государство и Церковь. С-Пб.: СПбГТУ, 1995. С.111

² Цит по: Там же.

³ Постановления Заместителя патриаршего Местоблюстителя и Временного при нем Патриаршего Священного Синода по делу митрополита Евлогия //ЖМП. 1931. № 2. С.5. Цит. по: Кашеваров А.Н. Государство и Церковь. С-Пб.: СПбГТУ, 1995. С.111

ответил согласием и, согласно Журналу Московской Патриархии: «17 февраля 1931 г. Западноевропейская митрополия стала частью Константинопольского патриархата, русские общины составили отдельный экзархат, а митрополит Евлогий получил статус экзарха»¹.

По словам В. Цыпина: «Карловацкий Синод и Московская патриархия крайне негативно отнеслись к этому факту»². 24 декабря 1931 г. патриарший местоблюститель в Москве совместно с синодом указом № 261 назначил руководителем западноевропейских общин митрополита Литовского Елевферия (Богоявленского)³. Нужно сказать, что в его ведении перешли очень немногие и всё действие носило несколько постановочный характер. В монографии М. Родзянко указано, что к новому управляющему «присоединились немногие священнослужители, в их числе епископ Вениамин, иеромонахи Стефан и Федор, протоирей Григорий Прозоров, первый настоятель прихода в Пти-Кламаре священник В.Заханевич»⁴.

И, конечно, в следующие годы всё, что делал митрополит Елевферий диктовалось и выстраивалось согласно московским директивам. Советская власть пыталась таким образом контролировать русскую эмиграцию в целом и отдельных личностей. Положительной стороной этого явления становилось хорошее финансирование, наличие разного рода литературы, церковной утвари и обеспечения приходов под юрисдикцией Москвы продовольствием и проч⁵.

Заканчивая описывать события тех лет, на протяжении которых происходило становление системы управления и функционирования православной Церкви в эмиграции, необходимо упомянуть выпущенное в 1935 г. «Положение о РПЦ за границей». Именно на этом документе

¹Постановления Заместителя Патриаршего Местоблюстителя и временного при нем Патриаршего Священного Синода. //ЖМП. 1931. № 1. С. 6.

²Цыпин В. А. Русская Православная Церковь (1925-1938). М., 1999. С. 386.

³Постановления Заместителя Патриаршего Местоблюстителя и временного при нем Патриаршего Священного Синода//ЖМП. 1931. №6. С. 5.

⁴Родзянко М. Правда о Зарубежной Церкви. Мюнхен, 1954. С. 13.

⁵Назаров М.В. Миссия русской эмиграции, Ставрополь, Кавказский край, 1992. С.173.

выстраивалась дальнейшая политика и деятельность. По словам М.В. Назарова: «РПЦ за границей всегда настаивала на каноничности своего существования как неотъемлемой части Московского Патриархата»¹. На призыв патриарха Алексия I в 1945 г. вернуться «во граду» Матери Церкви, глава РПЦ за рубежом митрополит Анастасий ответил, что ее члены «никогда не считали и не считают себя находящимися вне ограды Православной Русской Церкви, ибо никогда не разрывали канонического молитвенного и духовного единения со своею Матерью Церковью»². Д.Поспеловский сообщает нам, что: «В 1934 г, а затем в 1935 г. были сделаны безрезультатные попытки примирения Евлогия с Карловацким Синодом. В августе 1938 г. Карловацкий Синод созвал конференцию духовенства и мирян, которую назвал «Второй эмигрантский собор». Однако Западноевропейский экзархат Евлогия не был там представлен, несмотря на то, что Франция являлась главным культурным и духовным центром русской эмиграции»³.

Выводом этого параграфа станет тот факт, что в рассматриваемом нами регионе (Западная Европа) на протяжении 20-30- х гг. сложилось три вполне определенные организационные структуры, зачастую конкурирующие между собой: Западноевропейский экзархат Константинопольского патриархата, управляемый митрополитом Евлогием, Западноевропейская епархия, под руководством митрополита Елеевферия, признававшая юрисдикцию Московской патриархии, а так же Карловацкий Синод. Попытка создания единого церковного руководства на том этапе была провалена, лучше всего дела шли на местах или в крайне небольших регионах, где у священников было время и знание о людях, населяющих ту или иную местность. Проанализировав источники и литературу по рассматриваемой теме, мы приходим к нескольким причинам такого положения вещей.

¹ Назаров М.В. Миссия русской эмиграции, Ставрополь, Кавказский край, 1992. С.175.

² Цит. По: Цыпин В. А. Русская Православная Церковь (1925-1938). М., 1999. С. 388.

³ Поспеловский Д.В. Русская православная Церковь в XX веке. М.: Республика, 1995. С.219-223.

Во-первых, это сложное положение Церкви после революции в целом. Мало того, что она утратила свое важное положение внутри государства, уже с 20-х гг. РПЦ подвергается серьёзным гонениям и репрессиям внутри государства, что не могло не сказываться на её форме и общении с выделенными структурами за границей. Поэтому же происходило утрачивание общения и связи между этими структурами, отсюда вытекала противоречивость указаний от центра к периферии, отсоединенные епархии и структуры оказывались брошенными на произвол судьбы. Не сформировавшее отношение к происходящему духовенство никак не могло договориться между собой кого же им придерживаться и слушать, поэтому общим выходом стал упор на «малые дела», т.е. попытки влиять на то, до чего каждый священник или духовный деятель может дотянуться. Именно об этом и пойдет речь в следующих параграфах.

Во-вторых, у Церковной организации за границей отсутствовал яркий и харизматичный лидер, являющийся беспрекословным авторитетом, нацеленным именно на построение сложной, но важной системы, православия за рубежом, как настоящей духовной опоры, а не удовлетворения своих личных амбиций.

И, наконец, в третьих, расслоение по политическому и духовному признаку в среде самих эмигрантов. Не секрет, что и обыкновенные люди по разному относились к советскому режиму, к длительности его существования и даже к религии в целом. Всё это способствовало размежеванию, разъединению и местных общин и крупных церковных организаций, ведь у каждой из них были свои сторонники. Как говорит исследовательница религиозности эмигрантов Е.В. Пантелеева: «Одни, считая невозможным существование в Советской России Церкви, независимой от государства, полагали необходимым признать юрисдикцию митрополита Евлогия. Другие являлись сторонниками сохранения канонических уз русской православной эмиграции с «Матерью Церковью». Третьи признавали юрисдикцию Карловацкого Синода, считая

именно его политику наиболее приемлемой для русских православных эмигрантов». Описанное выше оказывало влияние на общее состояние приходов Западной Европы. Ситуация с разобщенностью была решена лишь недавно, в 2007 г. был подписан Акт о каноническом общении между РПЦ МП и РПЦЗ. Мы явились свидетелями окончания многолетнего противостояния, иногда безмолвного и скрытого, иногда вполне активно провозглашаемого.

1.2. Приходская жизнь в эмиграции. Возникновение, функционирование общин и монастырей

Приходская структура в России всегда состояла из маленьких единиц, в зависимости от территориальной принадлежности, они могли быть в разной степени удалены друг от друга. Подобная мелкодисперсная структура сложилась и за рубежом. Первоначально имели место только те приходы, которые исторически сложились на территории европейских стран. Но с увеличением потока беженцев-эмигрантов стало ясно: система требует не только пересмотра и укрупнения, но и добавления новых приходских единиц. Как пишет Г. Зейде: «Деятельность Церкви по организации православных приходов возглавил митрополит Евлогий, переехавший в Париж из Берлина в 1922 г. Организационное оформление русского православия он начал с организации Епархиального управления. Всеми церковными делами управляли Епархиальный совет в составе епископов и избранных представителей клира и мирян, а также Епархиальное собрание»¹.

Епархиальный совет включил представителей духовенства, список мы находим на страницах работы Н.С. Гордиенко: «Совет включал протоиерея И.Смирнова, Н.Сахарова, Г.Спасского, от мирян – В.Н.Коковцева, Е.П.Ковалевского, Н.И.Шидловского, профессора А.В.Карташова, Б.А.

¹ Зейде Г. Русская Православная Церковь за границей //Юбилейный сборник в память 1000-летия крещения Руси. 988-1988 гг. Джорданвилль, 1988. С. 36.

Татищева. Секретарем Совета стал Т.А. Аметистов»¹. Митрополит Евлогий вспоминает на страницах книги «Путь моей жизни»: «главной опорой во все годы был В.Н. Коковцев, государственная подготовка и дисциплина труда которого, делали его незаменимым членом Епархиального совета»². Если освещать функционал епархиальных советов, то мы видим два основных направления деятельности: надзор за грамотным функционированием приходской жизни на местах в хозяйственном и духовном плане, а так же, координация действий священства, большинство из которого были недавно рукоположены и не представляли круга своих обязанностей.

Когда удалось создать епархиальный совет, началась работа по организации пастырских собраний, где происходило формирование направлений работы с людьми и здесь крайне интересной является позиция самого Евлогия (Георгиевского), который наряду с духовным кормлением всегда ставил в приоритет объединяющую силу Церкви, её помощь в формировании связи в сообществе. Вот что он сам пишет: «в условиях эмиграции, пастырь должен стремиться не только к тому, чтобы дать, аргументированный и правильный, с точки зрения православной Церкви, ответ, но и к тому, чтобы укреплять единство русских эмигрантов, помогать им в сохранении культурных и духовных традиций»³.

Таким образом, схема управления постепенно вырисовывалась, по инициативе митрополита Евлогия начали проводиться многочисленные конференции и съезды, призванные консолидировать священство и людей, близких к церковным кругам. Съезды были замечательной объединяющей схемой, ведь приходы находились действительно далеко друг от друга. Церковный иерарх сам посещал большинство таких собраний. Сам пастырь по этому поводу писал: «такие встречи позволяют преодолеть замкнутость

¹Гордиенко Н.С. Эволюция русского православия. (20-80-е годы XX столетия). М., 1984. С. 68.

²Евлогий (Георгиевский) митрополит. Путь моей жизни. Париж, YMCA-Press, 1947. С. 121.

³ Там же. С. 109.

приходов, учат жить интересами Церкви, а не маленькой приходской общины»¹.

Такая схема очень активно развилась в отдельных приходах, а источниках чаще всего упоминаются общины в Клиши и Крезе, куда съезжались делегаты и гости из Аньера, Курбева, Шавиля, Сен-Мора. В газетах того периода находим такую информацию: «Заседания продолжались в течение 3-4 дней, делегаты выступали с докладами по заранее определенным темам, например, «Россия и Зарубежье в церковном отношении». После докладов, делегаты участвовали в диспутах, беседах»².

Еще пару слов хочется сказать про пространственное деление приходов и способы окормления паствы, изучив мемуары церковных иерархов, мы приходим к выводу, что священник был обязан обслуживать достаточно большую территорию, иногда ездить в 3 или 4 месяца, чтобы отслужить литургии. Например: «К приходу в Бордо было приписано более десяти общин, в том числе Ля-Рошельская и Тулузская, каждая из которых насчитывала до 35 человек. В обязанности настоятеля входило исполнение пастырских обязанностей для всех русских земледельцев, рассеянных в Юго-Западной Франции»³.

Такая церковная структура была весьма характерна для европейского православного приходского устройства и позволяла при должном усердии пастыря привлекать довольно большое число прихожан. Так, митрополит Евлогий описывает случай за случай, как священник Мефодий из Аньера смог сделать храм при фабрике центром притяжения для всей округи. На службы и мероприятия стали ходить даже рабочие-французы и русские, не отличающиеся религиозностью⁴. В другой истории настоятель прихода в

¹ Там же. С. 506.

² К посещению Митрополитом Евлогием Александро-Невской Церкви в Крезе//Церковный вестник Западноевропейской епархии. 1929. № 1. С.5.

³ Сухих Н. Как создавался русский приход в Бордо //Церковный вестник Западноевропейской епархии. 1929. № 4. С.20.

⁴Евлогий (Георгиевский) митрополит. Путь моей жизни. Париж, YMCA-Press, 1947. С. 505-506.

Кнютанже С.Великанов почти каждый день объезжал поселки, в которых жила хотя бы одна русская семья, стараясь поддерживать этот дух соборности и единства. В том числе он бывал в Люксембурге, в Прирейнской Германии. Делаем вывод, что энтузиазма священству эмиграции было не занимать, именно благодаря этому православной Церкви удавалось обходиться небольшим количеством лиц духовного звания.

Разногласия на политической почве, в которые довольно глубоко погрузились церковные иерархи, не могли не сносить свои коррективы в приходскую жизнь, сказывалась такая разобщенность и конкуренция сугубо отрицательно. Политическая борьба, которая велась между церковными иерархами периодически вносила раздоры и в жизнь прихожан. Особенно острыми противоречия были в Бианкурском и Южинском приходах. Выше уже отмечалось, что на территории западной Европы шло противостояние священников карловацкого направления и сторонников Евлогия. Иногда отдельные приходы становились буквально переходящим трофеем. Исследовательница Бочарова говорит о том, что «иногда на сторону «карловчан» переходил только настоятель прихода, в таком случае после назначения нового настоятеля, приходская жизнь налаживалась достаточно быстро. В отдельных случаях последствия раскола были более тяжелыми: небольшие приходские общины раскалывались на две части, как в Марселе, Канне, Лионе, Озуар ля Феррьерере и Медоне. Такое положение, без сомнения, мешало объединению русских людей, оказавшихся в эмиграции, негативно сказывалось на организации приходской жизни»¹.

Вот что мы находим на страницах церковного вестника от 24-26 августа 1929 года: «Владыка Митрополит посетил Крезу, где переживалась карловацкая смута, но дружная единомышленная работа Приходского Совета и настоятеля протоиерея Г. Соколова сохранила единство прихода»².

¹Бочарова З.С. Российское зарубежье 1920-1930-х гг. как феномен отечественной истории. – М : АИРО-XXI, 2011. С. 201.

² О епархиальных делах//Церковный вестник Западноевропейской епархии. 1929. № 4. С.29.

И всё же, на приходском уровне православная Церковь не была так подвержена брожению, как высшие органы церковной власти. Задачи прихода действительно, оставались весьма прозрачными. Одной из них было отправление треб и их грамотная фиксация. Так, на вопрос анкеты Лиги Наций полномочный представитель советского правительства И.Н. Ефремов, даже в начале 1920-х гг. отвечал: «По-прежнему обязанности РПЦ распространялись на ведение метрических книг о рождении, смерти и бракосочетании»¹. «Метрикация этих актов по Российским законам имеет юридически-правовое значение. Между тем, в будущем, по восстановлении в России порядка и возвращении беженцев в Россию, получение документов об этих актах будет крайне затруднительным...»². Уже в первые послереволюционные годы были созданы внутрицерковные бюрократические центры для фиксации этих актов. Так, проживавшим: «В Западной Европе – необходимо было обращаться к Управляющему русскими православными заграничными церквями в Западной Европе митрополиту Евлогию (в Берлине); В Югославии – к Управляющему русскими православными общинами в КСХС митрополиту Антонию (Сербия, Сремски Карловцы); В Болгарии – к Управляющему русскими православными общинами Константинопольского округа архиепископу Анастасию»³.

Но и само понятие семейного права претерпевает большие изменения как внутри страны, так и за рубежом. В конце концов, мы видим ситуацию, в которой в каждой конкретной местности, где живут эмигранты, власти по своему решают вопрос с изрегистрацией, в основном, речь здесь идет, конечно, о браках. Здесь большим подспорьем для нас является периодическая печать. Например, в Швейцарии в 1920-х гг. «браки

¹ Цит. По: Поспеловский Д.В. Русская православная Церковь в XX веке. М.: Республика, 1995. С.188.

² Протокол ВЦУ от 3/16 августа 1921 г., Цит. по: Васса (Ларина), инокиня. «Русскость» Русской Зарубежной Церкви в период 1920-1945 гг. в аспекте церковной икономии // Ежегодная богословская конференция ПСТБИ: Материалы 2004 г. – М., 2004. С. 312.

³ Назаров М.В. Миссия русской эмиграции, Ставрополь, Кавказский край, 1992. С. 122.

совершались в Церкви после гражданского брака по местным законам. За расторжением браков обращались к Отцу настоятелю. Тот поступившие просьбы направлял на имя высокопреосвященного Александра, архиепископа Алеутского и Северо-Американского в Нью-Йорк. После назначения к управлению всеми заграничными церквями»¹. В 1920-е гг. на страницах «Церковного вестника Западноевропейской епархии» регулярно печатались объявления о расторжении браков между теми или иными представителями эмигрантского сообщества. Например: «15 апреля 1929 г. вступило прошение Георгия Алексеевича Игнатъева о расторжении брака его съ Ольгой Владимировной Игнатъевой, урожд. Вансловой каковое лицо находится в безвестномъ отсутствии с 1918 года»².

18 сентября 1925 г. (№ 804) газета «Дни» публикует памятку не резидентам, вступающим в брак на территории Франции. «От мужчины и женщины обязательно требуется: 1. метрическое свидетельство (акт де нэссанс), 2. удостоверение о месте жительства, 3. удостоверение о семейном положении, выдававшееся Русским эмигрантским комитетом и засвидетельствованное министерством иностранных дел»³. Регистрация каких-то записей в храме при этом не носила обязательного характера. Есть в печати и сведения о разводных процессах, к которым применялись переплетенные хитрым образом русские дореволюционные законы и французские, чаще всего суды приглашали сторонних консультантов для разбора таких дел. В Германии пошли ещё дальше и вовсе изъяли из судебной практики касательно браков и разводов эмигрантов российские дореволюционные законы в области семейного права. Если мужчина и

¹Бочарова З.С. Российское зарубежье 1920-1930-х гг. как феномен отечественной истории. – М : АИРО-XXI, 2011. С. 185.

² От редакции//Церковный вестник Западноевропейской епархии. 1929. № 4. С.31.

³ Дни, № 804, 25.09.1918. Источник: <https://guides.rusarchives.ru/funds/7/redakciya-gazety-dni-gg-berlin-parizh-1922-1928>

женщина поженились лишь церковным браком, о это не могла считаться полноценным, церковный развод так же не признавался¹.

Несколько десятилетий приходские священники при полной юридической дезориентации все таки придерживались правил ведения метрических записей, ясность была внесена лишь только в 1933 году с выходом «Конвенции о юридическом статусе русских и армянских беженцев». Если государство вступало в договор и принимало конвенцию, то все записи актов гражданского состояния, в том числе и церковные, должны были быть признаны. Таким образом, за Церковью официально закрепились роль вспомогательного института.

Следующей важной вехой явилось строительство новых храмов и образование новых общин. Как отмечается в многочисленных источниках личного происхождения, отсутствие духовного окормления влияло на моральное состояние беженцев удручающим образом. Поэтому Церковь с самого начала всячески приветствовала создание т.н. инициативных групп. Группа людей должна была обратиться к архиерею с просьбой образовать приход, затем выбирался священник, который, в свою очередь, уже учреждал комитете по созданию прихода. Первоочередной бедой стал недостаток штата, малое число клириков. Для её решения привлекались глубоко верующие эмигранты, желавшие принять священный сан. Было рукоположено много приезжих из России. В записках митрополита Евлогия находим: «М.Осоргин в прошлом был кавалергардом, позднее губернатором, протоиерей А.Калашников до эмиграции служил в министерстве финансов, Н.Езерский был депутатом Государственной Думы первого созыва. Иногда священнослужителями становились бывшие военные, так например, К.Замбрицкий до эмиграции был полковником»². Прорывным моментом в

¹Бочарова З.С. Российское зарубежье 1920-1930-х гг. как феномен отечественной истории. – М : АИРО-XXI, 2011. С. 190.

²Евлогий (Георгиевский) митрополит. Путь моей жизни. Париж, YMCA-Press, 1947. С. 472.

этом смысле стало основание в 1925 г. в Париже Свято-Сергиевского Богословского института, о котором речь пойдет ниже.

Как пишет Е.В. Пантелеева, проведшая глубинное исследование приходской жизни в Западной Европе: «весьма сложная проблема заключалась в поисках средств, необходимых для строительства церквей, либо помещений, пригодных для проведения богослужений. В отдельных случаях православная Церковь обращалась за помощью к администрации того или иного европейского города, которая, при возможности, шла навстречу священнослужителям»¹. Условия были таковы, что православное духовенство не гнушалось никакой помощью, очень часто она приходила от местной администрации, в каких-то случаях – от «коллег по цеху» – протестантских или католических общин. Первый вариант процветал в тех местах, где были большие поселения русских рабочих, занятых на местных производствах. Помогая РПЦ, администрация и руководство фабриками пытались оказывать влияние на рабочих.

Так, например, в Эльзасе, согласно газетам: «Директор металлургического завода на заводские средства построил «Русский Дом», в котором расположились Церковь и школа»². «Заводское управление в Ромбе (Мозель) уступило православной Церкви большое каменное здание. Директор завода в Коломбель М. Моррет не только выделил место для строительства храма, но и отпустил около 80.000 франков на его сооружение»³.

Но, конечно, как и на родине, основные материальные ожидания Церковь питала к прихожанам. Именно они в основном содержали (ну или должны были содержать) приход. Конечно, речь здесь идет об эмигрантах, и их материальное положение в большинстве своем было, если не

¹ Пантелеева Е.В. Русская православная Церковь в западной Европе. Автореферат диссертации к.и.н. СПб, 2005. С. 38.

² Дни, № 89, 25.09.1928. Источник: <https://guides.rusarchives.ru/funds/7/redakciya-gazety-dni-gg-berlin-parizh-1922-1928>

³ Дни, № 804, 25.09.1918. Источник: <https://guides.rusarchives.ru/funds/7/redakciya-gazety-dni-gg-berlin-parizh-1922-1928>

бедственным, то находящимся на грани такового. Однако, духовная жизнь всё-таки являлась важной частью быта русского человека, на обрядность он очень сильно опирался, поэтому вносил посильную лепту в становление Церкви и общины. Иногда прихожане строили Церковь «всем миром», не нанимая рабочих. Важным примером такого общего делания прихожан становится воздвигнутый в 30-е гг. храм в Сент-Женевьеве де Буа под Парижем. Построен он по благотворительному проекту А. А. Бенуа в стиле псковской архитектурной школы XV—XVI веков. Архитектор и его жена Маргарита безвозмездно выполнили также церковные фрески. Деньги на его создание собирали всем миром, в этом делании поучаствовало большое количество известных личностей русской эмиграции¹.

В исследовании Б.Е. Пантелеевой особое внимание уделено теме возведения Свято-Сергиевского подворья в Париже. Автор пишет: «Большую помощь прихожане оказали при создании Свято-Сергиевского подворья: они передавали храму иконы, лампы, предметы церковной утвари. Великая княгиня Мария Павловна пожертвовала около ста тысяч франков на внутреннюю отделку Сергиевского храма. Известная русская балерина А.М. Балашева передала в дар список Тихвинской иконы Божьей Матери. Предложил свои услуги (безвозмездно) и светский художник Д.С.Стеллецкий, который был известен росписями храма, сооруженного к столетию битвы на Бородинском смог написать фрески»².

Необходимо отдельно сказать несколько слов о монашестве в заграничной Церкви западной Европы. Объединения монашествующих в основном происходили «в миру», поэтому и названия у них были соответствующие: «братство», «обитель», «сестричество». Эти объединения занимали важное место в структуре РПЦ. Если попробовать охарактеризовать эти организации, то выяснится, что число участников

¹ Носик Б. Сент-Женевьев-де-Буа. Русский погост в предместье Парижа. : М., Алисторус, 2014. С. 145.

² Пантелеева Е.В. Русская православная Церковь в западнойевропе. Автореферат диссертации к.и.н. СПб, 2005. С. 38.

(насельников) было немногочисленным. По словам С. Гаккеля, исследователя подобных общин, они «хотя и испытывали трудности самого разного характера, однако роль в жизни русских эмигрантов играли немалую. В условиях эмиграции они пытались сохранить русскую традицию милосердия, внутренне присущую православной Церкви»¹. Современная исследовательница Н.Т. Энеева, изучающая русское зарубежное монашество рассуждает: «В послереволюционный межвоенный период с волнами белой эмиграции по всему миру распространилось именно русское женское монашество. Более того, русская эмиграция XX века дала несколько удивительно ярких явлений в среде женского монашества, которые стали вехами в духовном развитии русского мира не только в зарубежье, но и на родине»².

Если задуматься, как так вышло, что именно женское монашество получило такой серьёзный расцвет в эмиграции, нам необходимо обратить свой взор к дореволюционной ситуации. И.К. Смолич вполне четко транслирует в своей монографии: «К 1914 г. в мужских монастырях подвизалось (вместе с послушниками) 21.330 лиц, а в женских -73.299. Начиная с середины XIX в. происходит резкое возрастание числа насельниц: 1840 – 6870 человек; 1850 г. – 8533; 1894 г. – 30276; 1908 – 53593; 1912 г. – 70453. Также в течение этого времени наблюдался неуклонный рост самих женских монастырей»³. По мнению ещё одного исследователя О. В. Кириченко: «подъем женского подвижничества в России в 19 – начале 20 вв. сопоставим с расцветом монашества на Руси времен прп. Сергия Радонежского». Таким образом, ещё до революции сложился значительный перевес в сторону женских обителей и монашествующих женского пола, а с приходом к власти большевиков и началом гражданской войны монастыри с приграничных зон были эвакуированы. Так, потоки эмиграции помимо

¹Гаккель С. Мать Мария. Париж, YMKA-Press, 1992. С. 23.

²Энеева Н.Т. Миссия женского православного монашества в русском зарубежьеXXвека // Humanity space International almanac VOL. 6, No 3, 2017. С. 118.

³ Смолич И.К. История Русской Церкви 1700-1917 гг. М., 1996. Ч. 1. С.669.

светского населения привнесли в Европу (на самом деле, по территории всего земного шара, но мы придерживаемся выбранной для исследования географии) религиозный компонент, состоящий в основном из женского монашеского населения.

Первая организация (община) такого толка называлась «Православное дело», возглавляла её Е.Ю. Скобцова, принявшая монашество с именем Мария. Название «Православное дело» было идеей Н.А.Бердяева, уже тогда основной смысл существования организации объявлялся максимально «социально-ориентированным». Постоянно появлялись и пополнялись ряды добровольных общин мирян. Эти люди, «сохраняя обычный образ жизни, принятый в обществе, все свое время и силы отдавали служению бедным, нуждающимся людям»¹. Мать Мария задумывала «Православное дело», «как дом, как очаг надежды, дарующей спасение в очень тяжелую пору»². В одной из своих статей она писала: «Мы собрались вместе не для теоретического изучения социальных вопросов в духе православия... Мы хотим поставить нашу социальную идею ... в теснейшую связь с жизнью и работой... Мы помним, что вера без дел мертва»³.

Если затрагивать вопросы уставной жизни таких объединений, то делаем вывод о том, что они не были поистине аскетическими. Например, участие в богослужениях было делом сугубо добровольным, как и общение с духовенством, тем не менее, связь с Церковью не только не утрачивалась, но и развивалась в ширь и глубь. Духовным отцом м. Марии, например, являлся протоиерей С.Н. Булгаков. Митрополит Евлогий Георгиевский так же принял деятельное участие в её судьбе. Именно митрополит Евлогий в своих воспоминаниях явно обозначает отношение к монашескому пути и самой матери Марии и монашеской миссии за рубежом в целом. Уже в конце 30-х

¹Братство Святой Софии. Материалы и документы. 1923-1939 / Составитель Струве Н.А. Москва. Париж: Русский Путь, УМКАPress, 2000. С. 135.

²Богослов, философ, мыслитель. Юбилейные чтения, посвященные 125-летию со дня рождения о. Сергия Булгакова. М., 1999. С. 89.

³ Цит. по: Гаккель С. Мать Мария. Париж, УМКА-Press, 1992. С. 36.

гг. он пишет: «монашество в эмиграции не расцвело, причин неудачи с точностью не определить: не то почвы для него не было, не то я сам не сумел с задачей справиться»¹. Забегая вперед, стоит упомянуть, что так желанная для митрополита обитель возникла вскоре после Второй мировой войны. В 1946 г. в бургундском местечке Бюси-ан-От был основан русский женский монастырь во имя Покрова Пресвятой Богородицы².

«Определенное место в структуре православной Церкви в Европе занимала женская обитель во имя иконы Божьей Матери «Нечаянная радость». Она была создана на основе «Общины сестер милосердия», которая была организована в 1922 г. русскими женщинами в Константинополе. Однако в связи с политическими событиями, происшедшими в Турции, общине пришлось переехать сначала в Болгарию, а затем во Францию, где она и обосновалась»³. Митрополит Евлогий радостно приветствовал создание новой обители и уже в 1924 году был утвержден её новый устав. Монашеский образ жизни (пост, молитва, духовные подвиги) ставился в этом уставе на один уровень с трудами на благо общества, помощью эмигрантам и деятельностью, похожей на труд «Православного дела». Из статьи, посвященной обители и вышедшей в «Церковном вестнике», видим, что в число сестер обители принимались «одинокие женщины и девушки в возрасте старше 18 лет, которые стремились к подвижнической монастырской жизни»⁴.

Исследовательница церковной эмиграции Е.В. Пантелеева выясняет особенности существования этого монашеского объединения в своей диссертации и вот, что она пишет: «При обители находились два священника, поочередно проводившие строго уставные службы, с

¹ Евлогий (Георгиевский) митрополит. Путь моей жизни. Париж, YMCA-Press, 1947. С. 406.

² Кузнецов В.А. Русское православное зарубежное монашество в XX веке. М.: АСТ, 2016. С. 189

³ Кузнецов В.А. Русское православное зарубежное монашество в XX веке. М.: АСТ, 2016. С. 98.

⁴ Женская обитель во имя иконы Божьей Матери «Нечаянная радость» // Церковный вестник Западноевропейской епархии. 1930. № 2. С.18-19.

соблюдением всех особенностей монастырских служб. За трапезой читались жития святых и русских подвижников. Принятые в обитель женщины и девушки могли не принимать монашества, но они должны были в течение своего пребывания в общине строго подчиняться уставу и быть в «безусловном послушании» у настоятельницы»¹.

Помимо молитвенного делания, главным способом приносить пользу людям было избрано попечение о сиротах и малоимущих детях (сестры обители содержали приют для девочек от 4 до 15 лет). В школе велось преподавание на очень высоком уровне (поскольку насельницы, в основном, принадлежали к дворянскому сословию или интеллигенции), иногда приглашали преподавателей из Парижа, параллельно девочки посещали национальную французскую школу и сдавали экзамены. Сестры же обучали девочек готовке, рукоделию, церковно-славянскому и латинскому языку, пению и рисованию. Передавали знания, которыми обладали сами.

Отметим, что не только женские монашеские православные обители возникали в послереволюционное время в Европе. Интерес для данной работы представляет мужской скит «Всех святых в земле российской просиявших» в Реймсе. Остановимся на его необычной истории. Основатель – иеромонах Алексей (Кириевский) перебрался во Францию с Афона в 1925 г. он нашел место и здание очень близко к некрополю русских павших за Францию в годы Первой мировой войны. В этом месте был создан «религиозный и культурно-просветительский центр», принадлежавший частично «Союзу русских комбатантов», вскоре вырос и храм, построенный на благотворительные средства по проекту архитектора Бенуа². В мужской обители правила соблюдались более аскетично, нежели в женских. Устав служб был изнурительным, молитвенное правило сложным, плюс братия

¹ Пантелеева Е.В. Русская православная Церковь в западной Европе. Автореферат диссертации к.и.н. СПб, 2005. С.56.

² Кузнецов В.А. Русское православное зарубежное монашество в XX веке. М.: АСТ, 2016. С. 112.

должна была работать в огороде, заниматься хозяйством, обеспечивать скит водой.

Все расходы покрывались из взносов за панихиды по павшим воинам. По словам исследователей: «После возведения храма и популяризации истории с памятью о жертвах войны возросло количество богомольцев, приезжавших сюда, увеличилось и количество пожертвований братьям»¹.

Таким образом, в период самого большого потока эмигрантов из России, именно Церковь посчитала важным взять на себя серьёзную ответственность по консолидации народа на чужбине. Для этого необходимо было не только решить вопросы борьбы за власть между разобщёнными иерархами, но и оказать посильную помощь каждому отдельно-взятому человеку. В этом смысле опыт приходов и монашеских общин Западной Европы достоин бесконечного уважения и внимания, ведь даже не имея единого церковного руководства, способного полноценно сформировать и возглавить систему управления этим огромным механизмом под названием «Церковь». В рамках данной работы нам удалось осветить только самых ярких представителей и яркие общины, деятельность которых можно смело экстраполировать и масштабировать, говоря, что роль русской православной Церкви, а вообще каждого отдельно-взятого представителя – бесконечно велика. Все проанализированные источники говорят о том, что деятельность православных общин (будь то приходская община или монастырское объединение) в условиях эмиграции вращалась не только вокруг духовных подвигов, но ставила во главу угла и благотворительность, ипросветительскую деятельность и досуговые мероприятия, а так же заботу о подрастающем поколении.

¹Абенсур Ж. Русский экспедиционный корпус во Франции во время первой мировой войны // Новейшая история России. 2014. № 3. С. 74–85

ГЛАВА II. ВЛИЯНИЕ ЦЕРКВИ НА ДУХОВНЫЙ АСПЕКТ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ ЗА РУБЕЖОМ В ПОСЛЕРЕВОЛЮЦИОННЫЕ ГОДЫ.

2.1. Благотворительная деятельность Церкви, социальное служение, взаимодействие с эмигрантскими обществами.

В предыдущей главе уже были рассмотрены некоторые особенности социальной работы православных приходов за рубежом, а так же отдельных монашеских объединений, однако упор там был сделан именно на помощь малоимущим и буквально «вызволнение из беды» представителей эмигрантского сообщества. В этом Церковь видела свою миссию за границей, и, стоит сказать, что отлично преуспела в выполнении этой миссии. Вот что по этому поводу пишет Г. Граббе: «Несмотря на имевшиеся трудности, священнослужители постепенно налаживали работу в приходах и монашеских обителях. Обычно присущей русской православной Церкви являлась такая форма работы как благотворительность, в условиях же эмиграции она приобретала особое значение»¹.

В рамках данного параграфа нам особо хочется затронуть тему благотворительности и социального служения, которая всегда идет рука об руку с приходской работой каждого пастыря. В условиях эмиграции благотворительные инициативы приобретали особое значение и важность, мы знаем много примеров, когда людям, оставшимся без родины и средств буквально нечего было есть, им бывал нужна психологическая помощь или возможность отдохнуть. Нам известны и вполне конкретные случаи такой помощи, часть из них уже цитировалась выше по мемуарам митрополита Евлогия Георгиевского. Периодическая печать повествует нам еще о нескольких интересных случаях: «настоятель прихода в Гренобле Н. Езерский в кратчайшие сроки организовал комитет помощи русским

¹Граббе Г. Правда о Русской Церкви на родине и за рубежом. Нью-Йорк, 1961. С. 87.

рабочим, оставшимся без работы в связи с закрытием завода в 1933 г»¹. «Настоятель Церкви в Аньере, Мефодий, организовал широкую благотворительную деятельность во время забастовки шоферов, к которой вынуждены были примкнуть и русские эмигранты, попавшие в безвыходное положение. Благодаря полученной поддержке, русские шоферы смогли пережить это трудное время. Вскоре при приходе были созданы постоянные благотворительные учреждения для оказания помощи всем нетрудоспособным и неимущим членам прихода. При церкви была устроена трапезная для нуждающихся прихожан, В церковном доме отвели помещение для проживания престарелых женщин»².

Известен так же случай с священником в Гренобле по фамилии Езерский, который смог при закрытии предприятия в этом городе, за небольшой промежуток времени создать общество вспомоществования рабочим-эмигрантам из России. Другой клирик, окормлявший церковь в Аньере смог создать в 1933 г. кассу помощи водителям общественного транспорта, участвующим в общегосударственной забастовке и поэтому не получавшим жалование. Как пишет митрополит Евлогий (Георгиевский) в своих воспоминаниях: «Благодаря полученной поддержке, русские шоферы смогли пережить это трудное время. Вскоре при приходе были созданы постоянные благотворительные учреждения для оказания помощи всем нетрудоспособным и неимущим членам прихода»³.

Что ещё создавала Церковь в благотворительных целях? Обычно это были всевозможные кассы помощи и взаимопомощи. Поводы весьма обширны: касса помощи вдовам умерших русских эмигрантов, престарелым эмигрантам, сбор на образование русских детей за границей.

Кстати, про образование, в литературе и источниках мы находим огромное количество данных по просветительской стороне деятельности

¹ Цит. По: Там же. С. 67.

² Евлогий (Георгиевский) митрополит. Путь моей жизни. Париж, YMCA-Press, 1947. С. 516.

³ Там же. С. 518.

РПЦЗ.И, конечно, первоначальными центрами просвещения становились сами общины, приходские дома и церкви, собирая под своим крылом не только русских эмигрантов, но и местных французов, которым был интересен наш национальный колорит. Исследователи так описывают просветительскую деятельность РПЦЗ: «В ряде приходов священнослужители проводили постоянные беседы с прихожанами, организовывали чтение лекций, приглашая лекторов из Богословского института или из Русского студенческого христианского движения. В ряде приходов были созданы библиотеки, в некоторых из них книги выдавались прихожанам за небольшую плату, что помогало пополнить приходской бюджет»¹.

В периодической печати того времени мы находим упоминание о таких образовательных и просветительских организациях: «Ассоциация учителей-эмигрантов», «Религиозно педагогический кабинет», «Бюро по православному образованию» и т.д.². Именно с их помощью осуществлялось обучение детей эмигрантского сообщества, выпускалась учебная литература, да и сам штат учителей набирался из участников этих обществ. Известно, что проводились регулярные собрания, семинары и встречи по обмену опытом среди учителей из разных регионов Западной Европы.

Обучение в основном осуществлялось в формате церковно-приходских школ (встречи с ребятами проходили не каждый день, 1-2 раза в неделю, чаще по четвергам и воскресеньям (после службы)). Упор на занятиях делался на историю России, изучение религиозной литературы, а так же российского культурного наследия предыдущих эпох. Обязательным являлось изучение русского и церковно-славянского языка, а так же уроки по закону божьему, катехизису. Могли проходить публичные чтения

¹ Пантелеева Е.В. Русская православная Церковь в западной европе. Автореферат диссертации к.и.н. СПб, 2005. С.71.

²Отчет о деятельности Православного Богословского Института за 1928-29 ак. год //Церковный вестник Западноевропейской епархии. 1929. № 11. С.11.

произведений классической литературы (описания таких уроков мы можем найти в периодической печати)¹.

В 20-30-е гг. на страницах Церковного вестника мы часто можем встретить острые дискуссии на тему духовного и светского образования подрастающего поколения, полемику среди учителей церковно-приходских школ на местах. Вот цитата из выпуска 1933 года: «Одной из серьезных проблем стала разработка программы обучения детей, которые имели разный возраст, неодинаковый уровень подготовки. Священнослужители, учитывая сложные условия в которых работали педагоги, признали целесообразным создание не единой программы обязательной для всех, а двух: программы «максимум» — для школ с благоприятными условиями, и программы «минимум» – для школ, находящихся в тяжелых условиях»².

В своей монографии «Россия за рубежом» М. Раев делает такой вывод относительно начального образования в рассматриваемый нами период: «Следует отметить, что в 20-е гг. Церковь достаточно успешно выполняла задачу по обучению детей младшего возраста. Однако в 30-е гг. ситуация изменилась, ведь русских эмигрантов все меньше оставалось надежд о скором возвращении в Россию, в связи с этим необходимо было обустроить жизнь, детей отдавали в национальные школы, а начальное обучение сохранилось только в отдельных городах, где имела многочисленная русская диаспора»³.

Отдельным феноменом того времени стали т.н. «летние лагеря». Судя по источникам за первое послереволюционное десятилетие в таких досуговых центрах побывало около 2500 человек. Чаще всего упоминаются три из них: Алексеевский, Суворовский и Владимирский⁴. Под свое крыло

¹Четвериков С. К вопросу о религиозном воспитании и образовании заграничной русской молодежи. Париж. 1928. С. 10-11.

²Второе пастырское собрание //Церковный вестник, 1933,№1. С.5

³Раев М. Россия за рубежом. История культуры русской эмиграции. М., Академия, 1994. С.75.

⁴Воскресные и четверговые церковно-приходские и начальные школы //Церковный вестник Западноевропейской епархии. 1933. №1.

эти лагеря брали в основном подростков, делая упор на физическую подготовку, улучшение состояния здоровья и обширную культурно-просветительскую программу. Известен пример священника из г. Монружа В.Бахста, а так же настоятеля прихода в г. Крезе Г. Бартенев, которые в течение почти 10 лет организовывали летний выезд для русских детей. Это называлось «детская колония», где настоятель и подростки жили на природе, изучали окружающий мир, с пользой проводили время¹.

На самом деле все эти лагеря очень напоминали скаутское движение², а затем эмигрантские лагеря и вовсе напрямую стали причислять себя к этому движению. Например, при активном содействии иеромонаха Мефодия, В.Бахста, А.Чеканавозникает первая во Франции дружина «Витязей» (1928) или «Национальная Организация Витязей» (1934), затем распространившая свое влияние и открывшая отделения в Нарве, Риге, Софии, Праге, Брно, Берлине³. В Уставе мы можем найти указания на то, что основной девиз ребят: «За Русь, За Веру». Понятно, что Церковь оказывала огромное влияние на русскую молодёжь в эмиграции, даже при помощи создания отдельных общественных организаций.

Отдельно хочется отметить попытки православного духовенства и церковных иерархов сблизиться со светскими организациями с целью распространения своего влияния. Все это было неспроста, ведь вместе они могли усилить влияние на эмигрантскую диаспору и более эффективно решать многие социальные и денежные и общественные вопросы. Так в некоторых общинах (Например в Бордо, Сент-Женевьеве, Кнютанже) комитеты по делам эмигрантов из числа приезжих и церковный дом помещались в одном здании, что упрощало всю логистику для местных,

¹Из провинции //Церковный вестник Западноевропейской епархии. 1935. № 3. С.16.

²Скаутство, скауты, англ. scouting — всемирное добровольное молодёжное движение, целью которого является содействие развитию молодых людей в достижении их полного физического, интеллектуального, эмоционального, социального и духовного потенциала при помощи неформального образования с акцентом на практические занятия на свежем воздухе, в том числе приобретение навыков выживания в лесу, пеший туризм, водный туризм, спорт.

³Национальная организация Витязей. Париж: УМКАpress, 1990. С. 58.

впоследствии у таких зданий появилось особое название «Русский дом». Часто там помещалась и библиотека и столовая для эмигрантов, проводились встречи и досуговые мероприятия. Даже сейчас во многих городках во Франции как топонимы сохранились названия «русских домов».

Как пишет в своей работе Е.В. Пантелеева: «Экономический кризис, потрясший мир в начале 30-х гг., чрезвычайно ухудшил положение русских эмигрантов. Безработица среди них приняла размеры настоящего бедствия. «Православное дело» (о котором речь шла выше) активизировало свою деятельность, стараясь оказать необходимую помощь»¹. Отметим, что для организации, жвущей на весьма скудные пожертвования, разворачивание активной социальной работы стало возможным лишь благодаря хорошо-налаженным связям с местной администрацией, фермерами, а так же просто местными жителями. Мать Мария (Скобцова) сама порой лично ходила на рынок, договариваясь с продавцами о небольших траншах продуктов для столовых, благотворительных встреч и собраний. Даже в советской литературе нам удалось найти положительное упоминание о деятельности м. Марии: «Посещая во время своих поездок по Франции больницы, в которых лечились русские эмигранты, видя их бедственное положение, матери Марии удалось организовать Комитет помощи русским душевнобольным людям, в который вошли как русские, так и французские врачи. Кроме того, Скобцова, совместно со священником М.Чертковым и при поддержке митрополита Евлогия, смогла дойти до министра здравоохранения Франции Лафона, который содействовал принятию французским правительством решения об оказании государственной помощи русским больным»².

В 20-30-е гг. все больший оборот стало приобретать участие эмигранток в т.н. «сестричествах». Состоять в оном считалось хорошим тоном, особенно у представительниц интеллигентской или дворянской среды. Одно из таких

¹ Пантелеева Е.В. Русская православная Церковь в западной европе. Автореферат диссертации к.и.н. СПб, 2005. С. 78.

² С.И. Гордиенко Н.С., Комаров П.М., Курочкин П.К. Политиканы от религии. М.: Мысль, 1975. С.13.

сестричеств было организовано и содержалось Александро-Невским собором. Согласно печатным изданиям и источникам личного происхождения к 1923 г. «деятельность сестричеств определилась в трех главных направлениях: забота о порядке в храмах; благотворительная деятельность, включая выдачу эмигрантам пособий деньгами, провизией или собранными вещами, посещение одиноких людей в больницах; а также забота о детях, в том числе выплата стипендий, оказание помощи в четверговых школах, организация рождественских елок, работа в летних детских колониях»¹.

Наряду с сестричествами функционировали и т.н. братства. Понятно, что разделение в этих организациях шло по половому признаку, однако, суть их была схожа. Именно в это время появляется братство имени преподобного Сергия Радонежского. Создали его студенты Свято-Сергиевского Богословского института в 1927 г., а руководителем стал сам митрополит Евлогий (Георгиевский). Устав братства провозглашал: «взаимное сближение студентов в молитвенном и деловом общении и посильном служении православной Церкви»². Была создана «больничная комиссия», часто ребята участники работали санитарями, помогали по хозяйству в госпиталях а так же в семьях эмигрантов. Постоянно пополнялся фонд пожертвований братству, туда, например, шли все деньги с панихид, заказываемых в Свято-Сергиевском храме за русских воинов. Братство так же издавало газету «Сергиевские листки». Каждый выпуск (тиражом до 1500 экз.) выходил на большие церковные праздники, освещая, в том числе, их особенности.

Если мы заговорили о православном студенчестве, то необходимо отметить довольно успешные попытки создать общества мультикультурные и даже мультирелигиозные среди молодых людей. Сплочение светского

¹ Русские без Отечества: Очерки антибольшевистской эмиграции 20-40-х годов. М.:РГГУ, 2000. С.49.

²Отчет о деятельности Православного Богословского Института за 1928-29 ак. год //Церковный вестник Западноевропейской епархии. 1929. № 11. С.11-15.

студенческого движения и религиозных студенческих организаций в среде русских беженцев стартовало в начале 20-х гг. преимущественно во Франции, Чехии и Сербии. Это не мудрено, ведь эти страны считались центрами эмигрантской молодежи, которым из-за событий на родине пришлось прервать обучение в университетах, училищах или гимназиях. Все они так или иначе активно искали духовную опору в жизни, обращаясь прежде всего к вере своих предков

С 1923 г. мы можем всерьёз говорить о формировании Русского студенческого христианского движения (РСХД), центром которого стал Париж. Идейними вдохновителями были, конечно, философы и деятели культуры, такие как С.Н. Булгаков, Н.А. Бердяев, А.В. Карташев, С.Л. Франк, Б.П. Вышеславцев, И.А. Ильин. Председательствовал в этой организации на протяжении очень многих лет В.В. Зеньковский. В программных документах РСХД находим такие цели: «связать молодежное религиозное движение с православной Церковью, не оставлять его на путях интерконфессионализма и осуществлять руководство движением в нужном для Церкви направлении»¹. Деятельность движения очень активно транслировалась в периодической печати, так на страницах церковного вестника за 1931 год (время очень большого расцвета РСХД) встречаем: «Основной целью движения всегда было объединение верующей молодежи для служения православной Церкви, выработка христианского мировоззрения у всех членов движения, что должно противостоять современному атеизму и материализму»².

И, конечно, важной формой взаимодействия Церкви и РСХД становится приходской уровень, помощь священникам на приходах. Юноши должны были следить за чистотой в храме, участвовать в стройке, покраске, бытовых делах, вести занятия для детей и взрослых, заниматься закупкой провизии и мелкими поручениями. Так же они с удовольствием посещали

¹ Русские без Отечества: Очерки антибольшевистской эмиграции 20-40-х годов. М.:РГГУ, 2000. С.57

² Третье Пастырское собрание в Париже, посвященное РСХД //Церковный вестник Западноевропейской епархии. 1931. №3.С.5-7.

инвалидные дома и интернаты, даже в тюрьмы ходили с миссионерскими и благотворительными визитами, вели занятия в детских клубах, помогали в организации работы библиотек, в проведении литературно – музыкальных вечеров¹.

До сих пор в церковной среде основным камнем преткновения, если заходит речь про церковь в эмиграции, является вопрос экуменических тенденций. В.В. Зеньковский, в свое время так высказывался о проблеме (на самом деле весьма позитивно): «Работу студенческих организаций в этом направлении следует понимать как ознакомление и сближение с другими вероисповеданиями, ведь Русскому студенческому христианскому движению это делать значительно проще, чем церковным иерархам с их ответственным положением»². А в 1927 г. представителями РСХД организована так называемая корпорация св. Сергей – Сент-Олбанс, совместная с английской молодежью. Это была крайне интересная форма взаимодействия двух миров, объявивших о «братстве и родстве», по словам самих участников РСХД: «каждый из партнеров в братстве признавал самостоятельность другого и уважал его таинства, соглашаясь вместе с тем искать пути сближения по церковным и социальным проблемам»³. Наша задача – не интерпретировать эти экуменические тенденции, а лишь констатировать их наличие и большое влияние на западноевропейскую молодёжь-выходцев из Российской Империи. По словам Е.В. Пантелеевой: «Преподаватели и студенты Богословского института читали лекции, участвовали в работах съездов таких экуменических организаций, как: «Lifeand Work и «Faithand Order», защищали диссертации в западных школах»⁴.

В итоге мы должны констатировать, что РПЦЗ развернула активнейшую деятельность в вопросах просвещения, социальной работы и

¹ Зернов И. Русское студенческое христианское движение за рубежом. С.97.

² Зеньковский В.В. Религиозное движение среди русской молодежи //Путь. 1925. № 1. С.91.

³ Хроника РСХД во Франции //Вестник РСХД. 1937. № 3-4. С.27.

⁴ Пантелеева Е.В. Русская православная Церковь в западной европе. Автореферат диссертации к.и.н. СПб, 2005. С.87.

благотворительности, повышения общего культурного и бытового уровня жизни эмигрантов. Работу приходов и монашеских организаций, а так же просто религиозных объединений по типу братств и сестричеств в условиях эмиграции сложно переоценить. Закончить параграф хотелось бы словами М. Раева: «В исследуемый период православное духовенство стремилось установить с русской интеллигенцией свободный, творческий диалог, что было необходимо для всех его участников. Дискуссии помогали русским эмигрантам определить задачи, стоявшие перед ними в изгнании, способствовали развитию, как искусства, философии, так и богословия»¹.

2.2. Решение вопросов богословского образования.

В предыдущих параграфах был, отчасти, затронут «кадровый» вопрос внутри заграничной Церкви. Очевидный факт – на одного рукоположенного священника приходилось множество населенных пунктов, что требовало от него большой моральной и физической выносливости. Уже к середине 20-х гг. начались первые попытки задать в научном поле вопрос как же быть, если из Советской России приток кадров организовать невозможно, а острая нехватка уже возникла.

Как пишет Е. В. Пантелеева: «Возникновение и развитие в русской эмиграции высшей богословской школы, не имевшей государственной и материальной базы – явление исключительное. Православное духовенство за рубежом не только искало возможность проведения культовых обрядов для эмигрантов, но поставило перед собой более глубокую цель – распространить и утвердить православие в западноевропейских странах»². И тогда было решено искать выход из ситуации на поверхности, решено было создать свою кузницу кадров, место, в котором бы шла не только подготовка и обучение

¹Раев М. Россия за рубежом. История культуры русской эмиграции. М., Академия, 1994. С. 173.

² Пантелеева Е.В. Русская православная Церковь в Западной Европе. Автореферат диссертации к.и.н. СПб, 2005. С.56.

пастырей. Место, где можно было заниматься «проведением исследований в области богословия и истории православной Церкви, тем самым удовлетворяя интеллектуальные и профессиональные потребности богословов, религиозных философов и представителей творческой интеллигенции, озабоченных будущим Русской православной Церкви в Западной Европе»¹.

В 1922 году состоялся съезд Всемирного христианского студенческого союза. На нем было выработано 3 проекта устройства богословского института, по одному из них учебное заведение создавалось в Праге (на тот момент – серьёзный центр философской мысли и концентрации молодежи), по другому – в Сербии. И, наконец, третий вариант – это Париж, который, к тому времени, уже давно снискал себе славу самого главного духовного центра русской эмиграции. В Париже на постоянной основе организовывались встречи, симпозиумы и лекции церковной тематики, иногда это носило формат философских диспутов. Именно из этих лекций спустя время вырастут «Высшие православные богословские курсы», очень горячо приветствуемые как церковным руководством в лице митрополита Евлогия, так и эмигрантским сообществом. Выступали на этих курсах такие деятели, как Н.Г. Смирнов, А.В. Карташов, Т.А. Аметистов, Н.Н. Сахаров². Поначалу в церковной среде бытовала иллюзия, что богословских курсов достаточно для того, чтобы получить нужный объем знаний и по желанию принять решение о рукоположении. Однако, как верно замечает в своем исследовании Е.В. Пантелеева: «Эти курсы не могли решить всех задач, стоявших перед православным духовенством, что было бы под силу высшей богословской школе, для создания которой, по мнению митрополита Евлогия, в Париже имелись все необходимые условия»³.

¹Свято-Сергиевское подворье в Париже. 75-летию со дня основания. СПб. : Алетей, 1999. С. 90.

² Там же. С. 92.

³ Пантелеева Е.В. Русская православная Церковь в западнойевропе. Автореферат диссертации к.и.н. СПб, 2005. С.87.

Как пишет известный историк эмиграции М. Раев: «Предполагалось, что набор студентов будет проводиться из русской диаспоры по всему миру, но главным образом из Европы. Часть средств на обучение будущих студентов была собрана русскими эмигрантами во время благотворительной кампании, которая захватила даже Дальний Восток и США. Кроме того, русское духовенство обратилось за помощью к Джону Д. Рокфеллеру, который предоставил дополнительные средства Широкою финансовую помощь оказал доктор Джон Р. Мотт, председатель Всемирного христианского студенческого союза, благодаря чему 18 июля 1924 г. состоялось приобретение будущего Сергиевского подворья, которое было решено использовать для создания религиозного и учебного центра»¹.

Стоит сказать, что в Петрограде с 1919-1921 гг. уже существовал т.н. Богословский институт, но жизнь его была недолгой и поэтому Свято-Сергиевская обитель, ставшая учебным заведением, одним из самых известных в Европе духовным центром православия как бы переняла эстафету. Возглавляли институт параллельно два иерарха – епископ Вениамин (Федченков) (в качестве инспектора и преподавателя Богословского института), а так же митрополит Евлогий (Георгиевский) в качестве номинального главы. Вот как Епископ Вениамин сам описывает происходящее в своих мемуарах: «В 1925 году я был приглашен митрополитом Евлогием в качестве инспектора и преподавателя Богословского института, в сущности, возглавить его, хотя официально считался ректором сам митрополит Евлогий»².

30 апреля 1925 г. состоялось открытие института. О жизни студентов и преподавателей находим информацию в мемуарах епископа Вениамина (Федченкова): «Их жизнь была поставлена на церковный лад: обязательным было ежедневное утреннее богослужение, за обедом, по монастырскому обычаю, чтения жития святых. Студенты ежедневно присутствовали на

¹Раев М. Россия за рубежом. История культуры русской эмиграции. М., Академия, 1994. С. 163.

² Вениамин (Федченков), митрополит. На рубеже двух эпох. М., 1994. С. 369.

молитве в храме, участвовали в богослужениях. Кроме того, они занимались и хозяйственными делами. Студенты преподавали в детских «четверговых» школах, участвовали в работе летних лагерей и кружков молодежных организаций. Они также оказывали помощь настоятелям в подготовке служб в малочисленных приходах»¹.

Периодическая печать того времени так же активно освещала процесс становления института: «Следует отметить, что в первые годы существования института его контингент пополнялся эмигрантами различного возраста от 20 до 45 лет, имевших различное образование, в том числе окончивших университет, высшую школу, духовную семинарию, гимназию и даже военные училища. Численность же преподавательского состава института в течение 20-х — 30-х гг. постоянно возрастала, как за счет переехавших в Париж русских богословов и философов, так и за счет лиц, получивших в нем подготовку»².

Наиболее активная деятельность в стенах института развернулась в период перед второй мировой войной, в это время там преподавали Г. Флоровский, Г. Федотов, Л. Зандер, Н. Афанасьев. Неоднократно читали там лекции и участвовали в научных конференциях Н.А. Бердяев, В.Н. Лосский.

Интересным являлась некоторая «экспериментальность» института, так, В.В. Зеньковский создал в его стенах так называемый религиозно-педагогический кабинет, а котором проводил отдельные занятия по основам психологии и педагогики, здесь уделялось особое внимание будущей просветительской деятельности пастырей, разрабатывался необходимый для этого инструментарий. Как пишет в своей работе М. Раев: «При кабинете издавались брошюры, посвященные теории и практике религиозного

¹ Глубоковский Н. Православный Богословский институт в Париже и его международное значение // Церковный вестник Западноевропейской епархии. 1929. № 2. С.21.

² Доклад правления православного богословского института о деятельности института за истекшее 3-х летие // Церковный вестник Западноевропейской епархии. 1930. № 9. С.18.

воспитания и образования в условиях эмиграции, проводились семинары на религиозно-педагогические темы»¹.

Мы уже немного упомянули про издательскую деятельность Сергиевского института, остановимся на ней подробнее, ведь зачастую именно через литературу, брошюры, листовки и идет миссионерская работа среди населения, а так же обмен информацией о религии и подходах к служению между представителями разных религиозных течений. Нужно отметить, что журналы и книги, выходившие под эгидой Богословского института являлись одними из наиболее влиятельных во всем иммигрантском сообществе. Их любили читать в любой компании, а статьи обсуждались почти на каждом обеде или вечернем приёме. Одним из таких изданий был журнал «Православная мысль», где публиковались дискуссии и по вопросам богословия, церковной жизни и деятельности в меняющихся политических и экономических условиях. В итоге в свет вышло 12 томов «Православной мысли». Для общественного просвещения и миссионерской работы среди широких масс институт выпускал так называемые «листки дидактического и апологетического содержания». Подобные брошюры и листовки выходили в типографии Троице-Сергиевской лавры и других крупных монастырей ещё до революции, а Богословский институт чувствовал некую преемственность².

Кроме того, книги и статьи, которые многочисленные представители светской и церковной интеллигенции, философы, писатели и богословы выпустили, будучи в стенах института в роли преподавателей или студентов оказали огромное влияние на становление эмигрантской культуры, а так же на распространение русской культуры за рубежом в целом.

Как пишет М. Раев: «Несомненной заслугой преподавателей Богословского института явилось дальнейшее развитие богословия. Высокий уровень профессорско-преподавательского состава, отсутствие давления со

¹Раев М. Россия за рубежом. История культуры русской эмиграции. М., Академия, 1994. С. 164-165.

² Свято-Сергиевское подворье в Париже. 75-летию со дня основания. СПб.: Алетейя, 1999. С. 146.

стороны государства и официального богословия, возможность использовать новые источники, знакомиться с концепциями и идеями западных богословов, определили специфику деятельности института»¹.

При анализе всего спектра источников и литературы можем сделать вывод о том, что каждый преподаватель мог свободно делиться знаниями сразу по нескольким областям, это говорит о серьёзном уровне образования: «Епископ Вениамин вел занятия по литургике, гомилетике и пастырскому богословию, А.В. Карташев преподавал историю Церкви. Ветхий Завет и еврейский язык, Л.А. Зандер – логику и сравнительное богословие, С.Н.Булгаков – догматическое богословие, Г.В.Флоровский — патрологию, Г.П.Федотов – агиологию и историю западных церквей, В.В.Зеньковский – философию, философскую мысль в России, психологию, педагогику и апологетику»². Во многом благодаря этому факту Богословскому институту посчастливилось стать центром расцвета философской религиозной мысли, речь о которой пойдет ниже. Случился большой прорыв в области православного богословия, был решен и поставлен ряд актуальных вопросов, переработана и улучшена методология религиозных и философских поисков. Можно сказать, что вся религиозная философия ушла из Советской России (где большинство духовенства занималось лишь выживанием в сложнейших условиях политических и моральных и экономических). Вынесенная за скобки советской действительности, богословская работа, получила свое дальнейшее развитие, плоды этого «подъема» мы пожинаем до сих пор с большим удовольствием.

По сути, удалось взрастить несколько новых поколений пастырей и философов, которые обладали достаточной степенью внутренней свободы, но и опорой на традиции Духовных Академий дореволюционного времени, атмосферу которых преподаватели старались привнести наряду со всеми

¹Раев М. Россия за рубежом. История культуры русской эмиграции. М., Академия, 1994. С. 173.

² Свято-Сергиевское подворье в Париже. 75-летию со дня основания. СПб.: Алетейя, 1999. С. 150.

остальными тенденциями. Влияние заграничного духовного образования и, прежде всего, Свято-Сергиевского Института на весь мир Русского зарубежья трудно переоценить. Как точно отметила в своей работе Е.В. Пантелеева: «Впервые появилась реальная возможность донести до европейцев православную культуру, поскольку раскрыть основные идеи православия и его особенности, показать достижения русских богословов и религиозных философов в развитии богословской науки могли только высокообразованные люди, творческая и научная, светская и духовная интеллигенция»¹.

2.3. Влияние на философскую мысль

Исторический и духовный путь России всегда занимал отечественных философов и богословов, но, пожалуй, никогда ещё это желание проникнуть в суть вещей, познать истинный путь православия и миссию русского народа, вникнуть в самые основы духовной жизни, не было столь горячим и активным, как в послереволюционные десятилетия в эмиграции. Как будто все эти катастрофы личного и политического характера развернули интеллигенцию к вопросам глобальным, заставили посмотреть и вглубь веков, оценить исторический путь России, разбираться в причинах трагических событиях и делать попытки всё изменить, спрогнозировать будущее, создать опорные концепции.

В этом смысле вполне естественным явилось то, что публицисты, философы, богословы и деятели искусства действовали в едином порыве. Шел активный обмен мнениями, полемика и споры, создавались и распадались философские общества. Везде, где был возможен диалог и конфронтация (будь это живые встречи, печатные издания или просто совместные посиделки за обедом) они были жаркими и деятельными. В этой

¹ Пантелеева Е.В. Русская православная Церковь в Западной Европе. Автореферат диссертации к.и.н. СПб, 2005. С. 122.

связи следует особо отметить такие журналы, как «Путь» и «Новый град», «Современные записки», «Версты», «Живое предание», «Числа», «Новый журнал».

Остановимся подробнее на «Пути». Почему он нас интересует в рамках данной работы? Большинство из участников и авторов были преподавателями Богословского института. Журнал, по мнению А.Меня, «собрал вокруг себя лучших представителей христианской мысли»¹. Руководил выпуском журнала Н. Бердяев, а название должно было сохранить преемственность с дореволюционным московским журналом «Путь». Вообще апелляция к прошлому – весьма характерна для философской мысли русского зарубежья. Ещё одно издание «Новый Град» сосредоточило в себе историю и философию, издание это было непростое для обывателя, но зато на философских диспутах обсуждалось среди первых. Глубина и серьёзность подачи материала стала его отличительной чертой. Как пишет сам участник описываемых процессов Г.И. Федотов: «Делая установку на поиск социальной правды в христианском идеале, журнал оставался открытым для всех нехристиан, «взыскующих Града», для мыслителей «новоградского духа»². Анализируя многочисленные источники и литературу, мы пришли к выводу, что авторы двух вышеназванных журналов имели весьма четкую позицию по происходящим внутри церковной структуры конфликтам (имеется в виду противостояние Карловацкого Синода и Западноевропейской епархии, а так же отношения их обеих с Москвой). Четко прослеживается отрицательное отношение к восстановлению монархии в прежнем виде (предлагал Синод в Карловцах). Такое же негативное отношение было и к желанию вернуть допетровские времена с их соборным началом и особыми отношениями Церкви и Государства.

По сути религиозные философы выступали за т.н. «Свободную Россию», в которой Церковь полностью выходит из под контроля

¹Мень А. Трудный путь к диалогу. М.: Жизнь с богом, 2008. С. 174

² Федотов Г. И есть и будет. Размышления о России и революции. Париж: Изд. Новый град, 1932;

государства и полученный суверенитет использует для вдохновения и дальнейшего подъема своих духовных и творческих сил. Здесь уместно будет привести слова Н.Бердяева: «Необходимо возродить ту роль Церкви, которую она призвана играть изначально, тем самым, способствовать ее более широкому участию в жизни общества»¹. Как отмечает М. Раев в своем исследовании по культуре эмиграции: «Эта перспектива, по мнению религиозных философов «Нового града», не содержала в себе угрозы свободе, поскольку лишь отдельная личность, каждый верующий должны были решать, вносить ли в свою религиозную жизнь те проблемы, которые волновали общество, те ценности, которые были в нем приняты»². Сторонники Бердяева на страницах «Пути» также полагали, что необходимо «вдохнуть дух Церкви в жизнь и жизнь в Церковь – что естественным образом приведет к должному вовлечению Церкви в решение социальных и политических проблем»³.

Философ М. Курдюмов выдвигает идеи т.н. Новой Церкви и именно с ним связывает дальнейшее поступательное движение нашей страны. Он провозглашает Октябрьскую революцию благом, ведь была до основания разрушена старая церковная система со всеми своими кризисами, а значит есть большой задел на этом пепелище построить совершенно новый общественный институт. Приведем цитату: «с царством кесаря разрушилось и старое здание прежней официальной Церкви, проходившей мимо народа и его жизни»⁴. Курдюмов был убежден, что: «Новая Церковь в России будет построена не на принуждении и страхе, а на свободе и любви и перед русской Церковью, очищаемой страданием, возвышаемой подвигом, история ставит задачу, не вмешиваясь в мирские дела, изнутри преобразовать

¹ Бердяев Н. Существует ли в православии свобода мысли и совести //Путь. 1939. №59. С.46.

²Раев М. Россия за рубежом. История культуры русской эмиграции. М., Академия, 1994. С. 226.

³ Духовные задачи русской эмиграции // Путь. 1925. № 1. С.4.

⁴Курдюмов М. Церковь и новая Россия. Париж, 1933. С.24.

окружающий ее враждебный и безбожный мир на основе любви к Богу и Человеку»¹.

Г.П. Федотов был как раз из тех философов, кто напрочь отвергал реставрацию монархии и даже симпатизировал установившемуся в России строю. На страницах своих публикаций он проповедовал, что «трудовое» и «социалистическое» государство является прямым отражением соборности русского народа, считал, что если привнести туда духовность и церковность, то мы получим нечто приближенное к идеалу². Вторил Федотову и Бердяев в своих философских трудах: «Социализм, есть попытка осуществления царства Божия на земле»³. В статьях, публиковавшихся на страницах «Нового града», он очень подробно разворачивает эту тему и пишет, что «идеал социальной правды может быть осуществлен в полном объеме лишь при соединении с духом христианства, что не означает устранения от социальной борьбы. Однако нельзя позволить безбожникам вершить сомнительную социальную правду, а значит самим понемногу осуществлять её без злобы и мести, без низвержения всех ценностей духа»⁴.

Как верно замечает Е. Пантелеева в своем исследовании: «Богословы, философы, эмигрировав из России, оказались в новых для себя условиях западной демократии. Они по-разному относились к ней, к сущности капиталистического мира, к полученной свободе»⁵. Так, например Н.Бердяев выступал с активной критикой формальной западной демократии, убеждения эти он сформировал ещё до революции и до переезда в эту самую Европу, а находясь там лишь только убедился в своих догадках. По воспоминаниям Бердяева, после его переезда на Запад ощущение ограниченности и «неправды» буржуазного общества стало еще

¹Курдюмов М. Церковь и мир // Путь. 1939.

² Федотов Г. Что такое социализм? //Новый град. 1932.

³ Бердяев Н. Существует ли в православии свобода мысли и совести //Путь. 1939. №59. С.46.

⁴ Бердяев И.А. Самопознание. (Опыт философской автобиографии). М.: ДЭМ, 1990. С. 228.

⁵ Пантелеева Е.В. Русская православная Церковь в западнойевропе. Автореферат диссертации к.и.н. СПб, 2005. С. 126.

острее: «Я в эмоциональной подпочве вернулся к социальным взглядам своей молодости, но на новых духовных основаниях. И произошло это вследствие двойной реакции – реакции против окружающего буржуазно-капиталистического мира и реакции против настроений русской эмиграции»¹.

Г.Федотов, Ф.Степун выступали против западного рационализма и прагматизма, а так же критиковали капиталистическую модель, основной мыслью уязвляющей запад являлась его «нерелигиозность», а значит отсутствие духовности и глубины. Ими даже было выведено понятие «безрелигиозной культуры»². В то же время в их работах широко используются термины «свободный дух» «демократия», «Свободная воля». Получается, что столкновение с западом напрямую позволило философам брать на вооружение некоторые ценности Западной культуры и трансформировать их в духе соборного начала, в духе православных идей, а значит, эта концепция сильно отличалась от простого «славянофильства». Федотов, цenia полученную возможность свободно мыслить, говорил, что «парижская почва, гостеприимная и плодородная, вскармливала побеги, которые засохли бы на русской земле»³. Получается, что не принимая до конца все особенности и реалии западного общественного устройства, быта и нравов, все (или почти все) религиозные философы понимали, какая важная правда содержится в идеях свободы личности, свободы творчества.

Ф. Степун в своих философских размышлениях идет несколько дальше, в область экономики и хозяйства, он пытается использовать русскую религиозную традицию, как меру и точку отсчета в выстраивании нового типа государственности и мироощущения. Заявляет о том, что истоки европейского и русского пути развития лежат в разных плоскостях и приводит вполне доказательные исторические примеры. Составляя довольно обширные хозяйственные проекты будущего устройства Новой России, он

¹Бердяев Н. Христианство и революция. Новый град. 1937. № 12. С. 60.

² Степун Ф.А. Пути творческой революции //Новый град. 1931. № 1. С. 18.

³ Федотов, Г. Что такое социализм? //Новый град. 1932. С. 22.

утверждал, что: «Христианская душа по своей природе «социалистична», в связи с чем, экономический строй, соответствующий русской идее, должен быть социализмом, а не капитализмом, что это понятие (социализм) означает и труд, и устремление коллективного труда к соборной личности»¹.

С.Н. Булгаков, Н. Бердяев, Г. Федотов, Ф. Степун, труды которых нам удалось довольно полно проанализировать, будто бы пытались соединить «социальную правду», заложенную частью в марксистском учении, частью в европейской культуре, с христианскими идеалами. Они увязывали и соединяли в своих концепциях идеал личной свободы буржуазных демократических государств с духовной традицией России. И в этом заключался огромный прорыв их философии, именно поэтому до сих пор огромное количество ученых, философов, да и просто интересующихся людей продолжает внимательно изучать написанное и соглашаться со многими тезисами.

Религиозные мыслители русского зарубежья будто бы придавали христианству как таковому и духовной жизни каждого отдельного человека социально-активные, а не отстраненно-аскетические смыслы. Так, по словам С.Н. Булгакова; «Религия должна побуждать не только к благочестию, благотворительности, но и к улучшению политической и экономической жизни общества»². И здесь невольно вспоминается деятельность объединения «Православное дело», ведь мать Мария (Скобцова), под руководством которого оно действовало была духовным чадом Булгакова, а так же сама активно участвовала в философских диспутах. По мнению матери Марии: «Самое ценное в эмиграции – полученная свобода, которая дороже всякого земного благополучия... Мы обязаны быть достойными нашей свободы, т.е. вместить в нее максимально творческое напряжение,

¹ Федотов, Г. Что такое социализм? //Новый град. 1932. С. 23.

² Булгаков С.Н. Православие и социализм. Труды по социологии и теологии. Т.2.М.:Наука. 1997. С. 568.

раскалить ее самым настоящим духовным горением»¹. Ещё одну цитату хочется привести здесь: «Быть свободным, писала она, значит быть ответственным за совершаемые ошибки или за инертность, так как теперь нельзя обвинять правительство, которое преследовало бы за инакомыслие или «докучало бы заботой»².

Ещё более актуальными в контексте рассмотрения сугубо религиозной философии являются слова вполне себе светской писательницы и критика З. Гиппиус: «Научиться свободе – что это значит? Вот формула: это, значит, найти для себя, для всех и для каждого максимум ее меры, соответствующий времени. А выучиться свободе – пожалуй, главная задача, заданная эмиграции»³. Ещё один довод в копилку того, что интеллигенция в эмиграции независимо от религиозной принадлежности и взглядов мыслила примерно одними категориями и волновалась об одних и тех же проблемах.

Н. А. Бердяев в статье «Существует ли в православии свобода мысли и совести» идет ещё дальше, он всерьез задается вопросом о политических взглядах пастырей церкви и способах их выражения. Он пишет: «Запрет на политическую активность относится исключительно к левой оппозиции, мы стали самой инертной формой христианства, превращаясь в орудие реакционной политики, нуждаясь в реформе и без реформы начиная разлагаться и выделять трупные яды»⁴. В сообществе интеллигенции, в кулуарах и на открытых философских диспутах регулярно поднимался вопрос о повышении самосознания церкви, о том, что ей нельзя больше быть инертной в меняющихся условиях. Все её стремления должны быть направлены лишь на то, чтобы изнутри трансформироваться самой и тем самым трансформировать общество и отдельного человека в себе, вокруг

¹ Мать Мария (Скобцова). Собрание сочинений: В 5 кн. – Москва: Русский путь, 2012. Т.3. С. 123.

² Там же. С. 130.

³ Цит. По: Менегальдо Е. Русские в Париже. 1919-1939 гг. М., 2001.

⁴ Бердяев Н. Существует ли в православии свобода мысли и совести //Путь. 1939. №59. С.46.

себя. Ведь только так можно достигнуть глобальных целей, сыграть свою историческую ролью.

Изучение работ религиозных философов приводит нас к весьма однозначному выводу, что революция в России была явлением если не закономерным, то вполне ожидаемым и у неё были свои причины. Это и близорукость властей к проблемам народа, кризисными явлениями внутри Русской Православной Церкви, тем, что сословное деление общества давно изжило себя. Такие видные деятели, как С.Н. Булгаков, Н.А. Бердяев, Г.Н. Федотов по словам М. Раева: «Пытались соединить «социальную правду» с христианскими идеалами, личную свободу буржуазных демократических государств с духовной традицией России»¹. Здесь же хочется привести одно из высказываний С.Н. Булгакова: «Пришло время ответить на вопросы, которые ставит мир о своей судьбе, воспринять православие, как строительную, созидательную силу, воспитывающую нравы и простирающую свое свободное влияние на движение философской мысли»².

Русский церковный мир за границей, к какому бы течению не принадлежали его представители, как бы они не были разделены по политическому или этическому принципу, является особым феноменом. Православие, как система взглядов и представлений о мире, смогло пропустить через себя все гуманистические идеалы западной философии, да и концепцию западного мира в целом, на выходе получив более свободную и открытую философию, культуру, жизненную парадигму. И здесь именно письменные труды ученых-богословов являются самым важным подспорьем. Важным итогом первого послереволюционного десятилетия стало создание т.н. школы «Парижского богословия», не теряющую актуальность и по сей день.

¹Раев М. Россия за рубежом. История культуры русской эмиграции. М., Академия, 1994. С. 198.

²Булгаков С.Н. Православие и социализм. Труды по социологии и теологии. Т.2.М.:Наука. 1997. С. 580.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Революционные события 1917 года привели к тому, что за границей, в самых разных частях земного шара, оказалось огромное число иммигрантов. Среди них, конечно, оказывались и представители духовного сословия, рядовые священники, монашествующие и церковные иерархи. В большинстве своем это были личности с высокой моральной и интеллектуальной культурой. В их руках оказалась миссия по внедрению Православия в новую среду, выстраиванию новых организационных структур православных приходов и управления этими приходами. Задача была не из легких. Однако, тот факт, что православие на выбранной территории существует и по сей день, укрепляется – уже свидетельствует об успешности усилий, начатых ещё в начале XX века.

В первой части данной работы Русская Православная Церковь рассматривается, как социально-религиозный феномен, а в каждом из двух параграфов главы раскрывается уникальная сторона этого феномена.

Для начала, нам удалось максимально подробно рассмотреть предпосылки и ход формирования организационной структуры РПЦ в Западной Европе. Было выделено несколько этапов и параллельных путей. Особенный упор сделан на понимание размежевания в 1922 году между Карловацким Синодом, митрополитом Евлогием и Московской патриархией, а так же на дальнейшие пути их взаимодействия, полемики и даже конфликтов.

С грустью приходится констатировать, что не все иерархи адекватно оценили происходящие события, сделав упор внутри них на личные планы и амбиции. В результате мы видим разделение Русской Православной Церкви за границей на три лагеря: Сторонники Карловацкого синода, выступавшие за реставрацию монархии, сторонники митрополита Евлогия (Георгиевского), сначала бывшего управляющим Западноевропейской епархии, а затем впавшего в немилость Московских церковных властей, а так же сторонники назначенного на место Евлогия митрополита Литовского Елевферия

(Богоявленского), поддерживающего существующий советский строй. Получается, что епископы за границей не смогли выступить единым фронтом и дать оценку происходящим событиям с точки зрения адекватности.

Так же, во втором параграфе был подробно рассмотрен путь становления приходской и монашеской жизни в новых условиях, имеющий ряд характерных особенностей. Среди них можно выделить следующие:

- особенный упор на социальное служение (приходы явились связующим звеном и спасением для множества эмигрантских семей),
- открытость вовне и подвижность/гибкость приходских объединений (продиктованная, прежде всего, постоянным поиском выхода из бедственного положения).
- формирование наряду с немногочисленными монашескими общинами, братств и сестричеств.

И, конечно, оказавшись в новых, непривычных условиях (культурных, экономических, социальных), Церковь должна была выработать новые формы работы с населением, обеспечения собственной деятельности. На наш взгляд, сделать это у большинства клириков РПЦЗ получилось весьма достойно. Отличительной чертой западно-европейского священства оказывается огромная мера инициативности, деятельная природа и жажда помощи окружающим людям, в первую очередь – своим соотечественникам. Интересно, что тем же людям оказалось присуще соборное начало, стремление обмениваться опытом, получили распространение многочисленные съезды, конференции, философские диспуты и просто радостные встречи представителей самых разных приходов. Обсуждение насущных проблем, поиски оптимальных путей их решения, по словам Евлогия, учили эмигрантов жить не только «интересами своей колокольни», но интересами общества.

Особенно ярко эти тенденции проявляются в работе братств и сестричеств, монашеских общин по типу общины «Православное дело», возглавляемого матерью Марией (Скобцовой). Упор на социальное служение

и культурно-просветительский компонент – основная отличительная черта церковной эмиграции в западной Европе первого и второго послереволюционного десятилетия.

Вторая глава работы описывает влияние Православной Церкви на жизнь русских людей в эмиграции, а в первую очередь, на их общественную и творческую жизнь, ведь в Западной Европе начала XX века волею судеб оказалось огромное количество представителей интеллигенции и дворянства, многие из которых нашли опору именно в религии.

Первый параграф всецело посвящен социальной и образовательной работе Русской православной церкви, будь то создание кружков и объединений, участие в деле образования, публицистическая деятельность или многочисленные благотворительные акты.

Во второй части второй главы мы уделяем особенное внимание становлению богословского образования в Западной Европе и, в частности, деятельности Свято-Сергиевского богословского института, который собрал в своих стенах не только молодых людей, желающих стать священниками, но и просто неравнодушную, думающую молодежь, которая впоследствии создала цвет эмиграции, продолжили традиции великих философов-богословов-публицистов, у которых имели честь учиться.

Наконец, в третьем параграфе, рассматривается влияние Церкви на философскую мысль, возникновение различных историософских концепций, как, собственно, в церковной среде, так и среди деятелей русской культуры, проживавших в Европе в рассматриваемый период. С.П.Булгаков, П.А.Бердяев, Г.П.Федотов и другие религиозные философы создали ряд весьма интересных концепций, ознакомившись с которыми мы смогли убедиться, что начало века – это и правда время расцвета философской мысли во всех отношениях. На тот момент существовало два основных направления религиозной философии – правое, выступавшее за реставрацию монархии, за возвращение к старым моделям. Вторая концепция состояла в том, что революция весьма благотворно сказалась на активности РПЦ. И

уничтожение кризисной косной системы – это буквально площадка для выстраивания новой свободной от предрассудков и реакционизма Церкви. И вот эта новая Церковь должна была сделать упор на социальное служение (то, что было максимально близко самим эмигрантам). Русские мыслители, находясь в эмиграции, разрабатывали концепцию гуманистической христианской философии, а так же отмечали, что верующий должен помимо спасения своей души позаботиться об обществе, о нуждающихся, о тех, кому нужна помощь. Основным способом трансляции своих мыслей для богословов и философов стали публикации в журналах «Новый Град» и «Путь».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

Опубликованные источники

1. Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти 1917-1943. Сборник в двух частях. Составитель М. Е. Губонин. М.: Православный Свято-Тихоновский богословский институт, 1994, 1064 с.
2. Бердяев, Н. Существует ли в православии свобода мысли и совести // Путь. 1939. №59.
3. Братство Святой Софии. Материалы и документы. 1923-1939 /Составитель Струве Н.А. Москва. Париж: Русский Путь, УМКАPress, 2000.
4. Бердяев, Н. Христианство и революция. Новый град. 1937. № 12. С. 60.
5. Булгаков, С.Н. Православие и социализм // Булгаков С.Н.Труды по социологии и теологии. Т.2.М.:Наука. 1997.
6. Евлогий (Георгиевский) митрополит. Путь моей жизни. Париж, УМСА-Press, 1947, 257 с.
7. Вениамин (Федченков), митрополит. На рубеже двух эпох. М., 1994. 278 с.
8. Духовные задачи русской эмиграции // Путь. 1925. № 1. С.4.
9. Мать Мария (Скобцова). Собрание сочинений: В 5 кн. – Москва: Русский путь, 2012.
- 10.Церковный вестник Западноевропейской епархии цитируется по: https://vtoraya-literatura.com/razdel_2108_str_1.html
- 11.Каноническое положение Православной Русской Церкви Заграницей. Париж: Издание Епархиального управления Западно-Европейского митрополичьего округа. 1927.

12. Елевферий (Богоявленский), митр. Неделя в Патриархии // Из истории Христианской Церкви на родине и за рубежом в XX столетии // Материалы по истории Церкви. Кн. 5. М.: Крутицкое патриаршее подворье. 1995.
13. Одинцов, М.И. Русские патриархи XX века. Судьбы Отечества и Церкви на страницах архивных документов. М., 1999.
14. Степун, Ф.А. Пути творческой революции // Новый град. 1931. № 1.
15. Федотов, Г. Что такое социализм? // Новый град. 1932.
16. Федотов, Г. И есть и будет. Размышления о России и революции. Париж: Изд. Новый град, 1932;
17. Церковные ведомости, издаваемые при Архиерейском синоде Русской Православной Церкви Заграницей цитируются по: <https://pravoslavnoe-duhovenstvo.ru/library/material/8267/>

Литература

Монографические исследования

1. Алексеев, Н.П. Религия, право и нравственность. – Paris: YMCA press, 1930. – 106 с.
2. Аржаковский, А. Журнал «Путь». Поколение русских религиозных мыслителей в эмиграции. Киев: Феникс, 2000. – 656 с.
3. Аметистов, Т.А. Каноническое положение Русской православной Церкви за границей. Париж, 1927. – 98 с.
4. Баконина, С.Н. Церковная жизнь русской эмиграции на Дальнем Востоке в 1920-1931 гг. На материалах Харбинской епархии.: М., Издательство ПСТГУ, 2014. – 392 с.
5. Богослов, философ, мыслитель. Юбилейные чтения, посвященные 125-летию со дня рождения о. Сергия Булгакова. М., 1999. – 187 с.
6. Бочарова, З.С. Российское зарубежье 1920-1930-х гг. как феномен отечественной истории. Учебное пособие. – М : АИРО-XXI, 2011. – 389 с.
7. Гаккель, С. Мать Мария. Париж, YMKA-Press, 1992. – 280 с.

8. Васса (Ларина), инокиня. «Русскость» Русской Зарубежной Церкви в период 1920-1945 гг. в аспекте церковной икономии // Ежегодная богословская конференция ПСТБИ: Материалы 2004 г. – М., 2004. – 312 с.
9. Введенский, А.И. Церковь и государство (Очерки взаимоотношений Церкви и государства в России 1918-1922 гг.). М., 1923. – 687 с.
10. Дунаев, М.М. Православие и русская литература: В 6-ти ч. М., 1996. – 765 с.
11. Из истории христианской Церкви на родине и за рубежом в XX столетии. М.: Крутицкое патриаршее подворье. 1995. – 317 с.
12. Русское зарубежье в год тысячелетия крещения Руси. М., 1991. – 464 с.
13. Граббе, Г. Правда о Русской Церкви на родине и за рубежом. Нью-Йорк, 1961. – 234 с.
14. Гуль, Р. Я унес Россию: Апология эмиграции. Т.2.: Россия во Франции. М.: Б.С.Г.-ПРЕСС, 2001. – 378 с.
15. Гаккель, С. Мать Мария. Париж, УМКА-Press, 1992. – 204 с.
16. Гордиенко, Н.С. Эволюция русского православия. (20-80-е годы XX столетия). М., 1984. – 367 с.
17. Зверев, А. Повседневная жизнь русского литературного Парижа. 1920-1940. М.: Мол. гвардия, 2003. – 307 с.
18. Зейде, Г. Русская Православная Церковь за границей // Юбилейный сборник в память 1000-летия крещения Руси. 988- 1988 гг. Джорданвилль, 1988. – 653 с.
19. Зеньковский, В.В. История русской философии. Нью-Йорк, 1953. – 156 с.
20. Зеньковский, В.В. Наша эпоха. Париж, 1955. – 167 с.
21. Зернов, Н.М. Вселенская Церковь и русское православие. Париж, 1952.
22. Зернов, П. Русское религиозное возрождение XX в. Париж, 1991.
23. Из истории российской эмиграции. СПб., 1992.

24. Из истории христианской Церкви на родине и за рубежом в XX столетии: Сборник. М., 1995.
25. История Русской Православной Церкви. От Восстановления Патриаршества до наших дней. СПб.: Воскресение, 1997. — 1020 с.
26. Иоанн (Максимович). Русская зарубежная Церковь. М., 1991. — 654 с.
27. Ковалевский, П.Е. Зарубежная Россия: История и культурно-просветительская работа русского зарубежья за полвека (1920 – 1970). Париж, 1971. — 566 с.
28. Корзун, М.С. Русская Православная Церковь. 1917-1945. Минск, Беларусь, 1987. — 601 с.
29. Мень А. Трудный путь к диалогу. М.: Жизнь с богом, 2008. — 345 с.
30. Митрофанов, Ю.Н. Русская Православная Церковь в России и эмиграции в 1920-е годы: К вопросу о взаимоотношениях Московской Патриархии и русской церковной эмиграции в период 1920- 1927 гг. СПб, 1995. — 666 с.
31. Менегальдо, Е. Русские в Париже. 1919-1939 гг. М., 2001. — 390 с.
32. Назаров, М.В. Миссия русской эмиграции, Ставрополь, Кавказский край, 1992. — 189 с.
33. Наука, культура и политика русской эмиграции. СПб.: СПбГУКИ, 2004. — 388 с.
34. Нивьер, А. Православные священнослужители, богословы и церковные деятели русской эмиграции в Западной и Центральной Европе. 1920-1995. Москва – Париж: Русский путь, YMCA-PRESS. 2007. — 712 с.
35. Одинцов М.И. Русская православная Церковь в XX веке: история взаимоотношения с государством и обществом. М., 2002 . — 345 с.
36. Полный православный богословский энциклопедический словарь. Т. 1. М., 1992.
37. Поспеловский, Д.В. Русская православная Церковь в XX веке. М.: Республика, 1995.

- 38.Пронин, А.А. Историография российской эмиграции. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2000.
- 39.Раев, М. Россия за рубежом. История культуры русской эмиграции. М., Академия, 1994.
- 40.Регельсон, Л. Трагедия русской Церкви 1917-1945. М., 1996.
- 41.Родзянко,М. Правда о Зарубежной Церкви. Мюнхен, 1954.
- 42.Никон (Рклицкий), архиеп. Жизнеописание Блаженнейшего Антония, митрополита Киевского и Галицкого. Т. 7. Нью-Йорк: Издание Северо-Американской и Канадской епархии, 1960.
- 43.Российское зарубежье: История и современность. М.,1998.
- 44.Русские без Отечества: Очерки антибольшевистской эмиграции 20 – 40-х годов. М., РГГУ, 2000.
- 45.Свято-Сергиевское подворье в Париже. 75-летию со дня основания. СПб.: Алетейа. 1999.
- 46.Стратонов И. Русская церковная смута. 1921-1931. Берлин,1932. – 256 с.
- 47.Струве Н.А. 70 лет русской эмиграции. 1919-1989. Париж, 1996. – 376 с.
- 48.Струве Г. Русская литература в изгнании. Париж, 1984. – 678 с.
- 49.Терещук А.В. Русская церковная эмиграция в 1917 – 1927 гг. /Из истории российской эмиграции. СПб., 1992. – 234 с.
- 50.Титлинов, Б.В. Церковь во время революции. – Пг.: Былое, 1924. – 106 с.
- 51.Титлинов, Б.В. Новая церковь. – в. Н., 1923. – 85 с.
52. Русское православие. Вехи истории. – М.: Политиздат, 1989. – 720 с.
53. Никольский, Н.М. История русской церкви. – М.: Политиздат, 1985. — 448 с.
- 54.Одинцов, М.И. Русская православная церковь в 20 веке: история взаимоотношений с государством и обществом . – М.: ЦИНО, 2002. – 310 с.

- 55.Цыпин, В.А. Русская Православная Церковь (1925-1938). М., 1999. - 1032 с.
- 56.Цыпин, В., прот. История Русской Церкви. 1917 – 1997. / История Русской Церкви. Кн. 9. М. Издательство Спасо-Преображенского Валаамского монастыря. 1997
- 57.Шкаровский, М. История русской церковной эмиграции. СПб.: Алетейя. 2009. – 679 с.
- 58.Шмеман, А., прот. Исторический путь Православия. Париж, 1985. – 356 с.
- 59.Шулепова, Э.А. Роль и место православной Церкви в процессе адаптации русской эмиграции /Российское зарубежье: История и современность. М.1998. – 265 с.

Статьи

1. Андреева, Л.А. Процесс дехристианизации в России и возникновение квазирелигиозности в XX веке // Общественные науки и современность. 2003. № 1.С. 90-100.
2. Бондарева, Е.А. Религиозная мысль русского зарубежья об исторических судьбах России //Вопросы истории. 2001. №9. С. 12-15.
3. Зейде, Г. Русская Православная Церковь за границей //Юбилейный сборник в память 1000-летия крещения Руси. 988- 1988 гг. Джорданвилль, 1988. С.383 – 390.
4. Зернов, Н.М. Русское студенческое христианское движение за рубежом /Русская религиозная мысль XX в. Под ред. Н.П. Полторацкого. Питтсбург. 1975. С. 155-162.
5. История самочинной карловацкой организации // Церковно-исторический вестник. Москва. 2001. № 8. С. 134-138.
6. Пронин, А.А. Эмиграция и православие //Российский исторический журнал. 2003. С. 3-8.

7. Росс, Н. Как реставрировали русскую Церковь в Париже (1890- 1997) //Рус. Мысль. 1997. Вып. X. С 41-76.
8. Аржаковский, А. Свято-Сергиевский Православный Богословский Институт в Париже /Богослов, философ, мыслитель. Юбилейные чтения, посвященные 125-летию со дня рождения о. Сергия Булгакова. М., 1999. С. 35-38.

Диссертационные исследования:

1. Беляева, А. Русская Православная Церковь за границей (1919 – 1926 гг.). Автореф. дис. на соиск. уч. степ.канд. ист. наук. Ярославль, 1998.
2. Пантелеева, Е. Русская Православная Церковь в Западной Европе в 20-30-е гг. XX века: Религиоведческий анализ. Автореф. дис. на соиск. уч. степ.канд. филос. наук. СПб, 2006;
3. Катаев, А. Московская Патриархия и церковные разделения за рубежом и в СССР в 1922 – 1946 гг. Автореф. дис. на соиск. уч. степ, канд. ист. наук. М.: 2006;
4. Маковецкий, А. Русская Православная Церковь за границей: этапы возникновения и организационного оформления (1920 – 1940 гг.). Автореф. дис. на соиск. уч. степ.канд. ист. наук. СПб, 2007.